

Кюхельбекер Вильгельм Карлович

Давид

Эпическое стихотворение,
взятое из Священного писания

I

КНИГА "ПРЕДДВЕРИЕ"

Персты мои ли по струнам блуждают?
Завешен тучами весь мой обзор,
Перуны смерти надо мной сверкают.
За тучи устремлю молящий взор...
Спаситель мой ко мне приник оттоле,
Бог усмирил души моей раздор!
Судьба моя в святой, господней воле:
Заступник мой, надежда и покров,
Сидящий на сияющем престоле,
Превыше всех и солнцев и миров;
К нему мой глас, к нему мольбы подъямлю!
Так! Без него главы моей власов
Ниже единый не падет на землю.
Не без него начну и песнь сию;
Опасный, трудный подвиг предприемлю:
Царя, певца, воителя пою;
Все три венца Давид, пастух счастливый,
Стяжал и собрал на главу свою.

И был в Эфрафе муж благочестивый,
Десницей Бога вышнего храним:
Струились шумные под ветром нивы
Златые, необъятные пред ним;
Паслись его стада в лугах цветущих,
Он был ущедрен господом благим,
Проклявшим всех врагов, его клянущих,
Благословившим всех его друзей.
И возрастил он семерых могущих,
Высоких станом, крепких сыновей.
Осьмой же мал; но, в братьях небрегомый,
Он кровь твою прославил, Иессей.
Им были овцы отчие пасомы:
С холма на холм за ними восходил,
И, чистым, радостным огнем жегомый,
Невинный отрок славил и хвалил
В псалмах священных, в песнях сладкозвучных
Избравшего Израиль Бога Сил...

...Молва несется: "Прозорливец здесь!
Что возвестит всевышнего служитель?"
Его приход волнует город весь.
Вступают града старшины в обитель:
"Эфрафе мир ли ты приносишь днесь?"

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Или на нас разгневан вседержитель?"
- "Мир вам! сюда я жертвовать притек,
И ныне освятитесь со мною
И радуйтесь! - так сын Эльканы рек. -
Но се гряду и Вифлеем спокою!"
Из стен исходит божий человек;
За ним толпа стремится за толпою.
Предстали алтарю, и Самуил
Елеем совершает освящение
И руку на главу тельца взложил...
(Телец могущий жертва за спасенье.
Сего же сам он первенца вскормил:
Благое без порока приношение.)
И се уже огромный пал телец,
Краса и честь Ефремлих паств веселых.
Но кровь лиет вокруг жертвенника жрец,
Роскошный тук, от чресл отъяв дебелых,
Возносит к господу благих сердец,
Смиренной верой радостных и смелых.
Обрядов строго держится во всем:
По жертве соль завета рассыпает,
И грудь и рамо раздробив ножом,
На часть их Аарону отлагает;
Священным воспаляет сруб огнем,
Встает и весь народ благословляет.
Тогда, избранник ото всех колен,
Иуда громкий глас подъял хвалений
Властителю языков и времен;
Текут... Отзыв их шумных песнопений
Встречает их с холмов, и рощ, и стен!
Под сумрак же прохладной, темной сени
Овидов сын и Самуил спешат.
Никто вослед не простирает ока;
Всех дерзких устраняют и страшат
Суровый лик и строгий взгляд пророка.
Цвел на горе обильный тьмою сад
От врат Вефильских на страну востока.
На полночь открывался конный путь,
К полудню зрелся тихий гроб Рахили:
В Эфрафе ей судилося заснуть,
Прекрасную в Эфрафе схоронили;
И скорбь Израиля терзает грудь;
Но дети с ним на полночь поспешили.
Воссели старцы в вертограде том
Под кров смоковницы широколистой;
Пророк поникнул сумрачным челом,
Повел перстами по браде сребристой,
Вздыхнул, подъял главу и рек потом:
"Бог отвратился от души нечистой;
Отвержен царь от божиих очей! -
Со мною раздели печали бремя;
Ко мне склонися слухом, Иессей!
Забыл отступник Бога в оно время,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Когда господь наш отдал в снедь мечей
Злодеев наших мерзостное племя!
Издавна нам враждует Амалик;
Не убоился Бога блудородный:
Он нападал, безжалостен и дик,
Еще в исход наш, средь степи безводной,
Вздымая средь пустыни шумный крик,
На нас, покрытых пылью походной.
Каратель Амалика помянул:
Кровавое настало воздаянье -
И посланы Израиль и Саул
И с ними страх, и гибель, и попанье!
Пройдет весь мир ужасной мести гул;
Обымет нечестивых содроганье!
Победой наш венчался каждый шаг;
Летал пред нами Ангел-Истребитель:
В десницу храбрых впал свирепый враг,
Его ж обрек на кару вседержитель,
Убийца жен, убийца чад Агаг,
Неистовый разбойников властитель.
Но изверга сын Кисов пощадил:
Он в свой шатер приял его, как брата,
Приник на стан Израиля Бог Сил
И гневом воскипел на сопостата.
"Восстань! - он мне поведал. - Самуил,
Предай Агага лезвию булата!
Саула же от моего лица
Хочу отринуть я за ослушанье", -
Живет и падший сын в душе отца:
Ночь слышала мое о нем стенанье.
Но возвестил ему я гнев творца;
Врага же взял и вывел на закланье!" -
В устах пророчих замерли слова;
Он весь являлся жертвою страданий;
На грудь склонилась белая глава;
Доожа, сжимались жилистые длани.
"Дошла и к нам, - рек Иессей, - молва
О сей благословенной Богом брани.
А ныне да познаю, муж святой, -
Мое же да отпустишь дерзновенье
(Суровый я питомец простоты,
И всякое мне чуждо ухищренье), -
Как обличил в грехах Саула ты?
Дозволь твое услышать извещенье!"
- "О род Адамов! - возопил пророк.
Адамов род и Евы любопытной!
Безумен ты, безумен и жесток,
Почто предпочитаешь в злобе скрытной
Блаженству скорбь и доблести порок,
Ловец вестей и слухов ненасытный!"
От оных слов смутился Иессей;
Но муж, носящий жезл Мельхиседеков,
И жрец и некогда пастух людей,

Провидец душ и мыслей человеков,
Всесожигающий огонь очей
Смягчил и не продлил своих упреков.
"Саулу нес я вышнего глагол;
К нему, - он молвил, - шел путем Кармила,
Предтеча горестный грядущих зол;
Евреев же ликующая сила
Покрыла тяжестью и холм и дол,
Окрестность всю, всю область наводнила.
И победитель мчался в Гаваон
В сверкающей булатом колеснице,
Одеянный во золото и виссон,
С огромным копием своим в деснице.
Что я к нему гряду, услышал он
И обратиться повелел вознице.
Он от меня в Галгалы⁷ путь склонил,
Средь торжества смущен и беспокоен;
Страшит владыку ветхий Самуил,
Притворствует пред дряхлым старцем воин!
И я притек - и вижу: Богу Сил
Уже всем воинством принос устроен.
"Отец, благословляю твой приход! -
С холма меня приветствует коварный. -
Господь твой Бог вспомнил свой народ:
Града врагов поял огонь пожарный;
Их расточил, развеял наш поход...
И се - ты зришь - израиль благодарный
Возносит жертву песней и похвал".
Я рек: "Не с дола ль слышится мычанье?
Не глас ли стад несется от Галгал?"
- "То наше Богу твоему даянье:
От Амалика их народ пригнал,
Юниц и буйвол лучших, на закланье.
Остаток же - так завещал ты нам,-
Он продолжал лукавыми устами, -
На яству вранам, на снаденье псам
В степи повергся нашими руками".
- "Искоренить злодеев предал вам
Господь с женами, чадами, скотами.
Сразить не повелел ли вышний всех? -
Но презрел ты его святую волю;
Но ты подъял глагол его на смех,
Добычи лучшую сберег ты долю!
Стада те проповедуют твой грех,
Которые рассыпал ты по полю.
Слаб, древен я и пред тобой молчу:
Ты вождь и царь, ты славный победитель;
Но воззывал я за тебя к творцу;
Что в ночь ко мне глаголил вседержитель,
Тебе, когда потерпишь, возвещу!"
- "Вещай!" - смущенный говорит властитель.
Воздвигся я и продолжал вещать:
"Не скудная дана тебе судьбина;

Не ты ль предводишь ныне нашу рать?
От рода малого Вениамина
Благоволил господь тебя избрать,
Малейшего, в царя и властелина.
Он водворил тебя в дому своем;
Тебя воздвиг на высоту из дола...
Почто же ты не сохранил во всем
Святого Бога вышнего глагола?
Не быть тебе в Израиле царем,
И чадам не оставишь ты престола!
Да не речешь, Саул: стада сии
Не Богу ли соблюл я на закланье?
Что Богу жертвы грешные твои?
Не паче ль всякой жертвы послушанье?
Сын Кисов, помянешь слова мои.
Но се я совершил мое посланье".
И он отвечает: "Я согрешил:
Я, убоясь ратного смятенья,
Забыл твои вещанья, Самуил,
Забыл господни строгие веленья;
Ты помолился, старец, Богу Сил:
Услышит гневный Бог твои моленья!"
Но я: "Не на тебя ли он излил
Своих щедрот и благодати обилье?
А ты, Саул, его уничижил:
И ныне он в бесславье и бессилье
И в пагубу твой жребий положил!"
Иду; но царь за риз моих воскрилье
Рукою ялся и раздрал хитон.
"Так Бог, - я рек, - раздрал твою державу.
Вовек неколебим его закон:
Стезю возненавидел он неправу,
Нет, не изменится, не смертный он!
Он дал иному власть твою и славу".
Властитель же не съял с меня руки:
"Я согрешил и грех мой разумею;
Но ты отселе, старец, не теки:
Почти меня пред ратию моею;
На нас князья взирают и полки;
Грядем, мольбу соединю с твоею".
- "Предай же мне, - к нему я речь простер, -
Упитанного нашей кровью змея!"
Сын Кисов отрока послал в шатер:
Агаг предстал, дрожа и цепенея;
Багровым блеском озарил костер
Ужасный образ бледного злодея,
"Ужели смерть, - он молвил, - так горька?"
- "Тебе ли будет, - я вопил, - пощада?
Как жен твоя бесчадила рука,
Так матери Агага быть без чада!"
И черной крови пролилась река,
Душа же низлетела в бездну ада!
Воссел я с той поры в дому моем

И там во тьме оплакивал Саула.
И сетовал во вретище по нем.
Внемли! вчера вселенная заснула,
Но не спал я; вдруг трепетным огнем,
Раздравши небо, молния блеснула;
Я вспрынул, ослеплен; гром заревел,
Перуны зазмеились за горами.
Вся твердь исполнилась кровавых стрел,
И глас слышал я над небесами:
"Твоей печали положи предел!
Доколе разливаешься слезами?
Не обратится к сыну Киса Бог:
Пред волею его благоговей
(Свят, свят закон его, но вкупе строг),
Исполни рог священного елея,
Восстань и понеси в Эфрафу рог:
Царя там вижу в чадах Иессея!"
- "Царя Бог избрал из моих детей! -
Незапным хладным ужасом объятый,
Бледнеющий воскликнул Иессей. -
Злосчастный день, день горестный трикраты!
Ты много мне пророчишь скорбных дней:
Падет мой сын, в весне своей пожатый!"
- "Смирись пред Богом трепетной душой! -
Вещает Иессею прорицатель. -
Или не властен вышний над тобой?
Или не он господь твой и создатель?
Он вводит кротких в сладостный покой;
Но он же грозный дерзостных каратель! -
Не Авраам ли был заклать готов,
Не пожалел единственного чада,
Отца ему обещанных родов?
И не взялася верно награда!
А сколько пред тобой цветет сынов,
Твоих очей веселье и отрада? -
Благоволил единого из них
Господь почтить своим святым избраньем,-
И ты не заграждаешь уст твоих!
Едва ли ты не возроптал роптаньем!
Умолкни же и, радостен и тих,
Благоговей пред божиим посланьем.
Он над рабом своим простер свой щит;
Избраннику он станет одесную;
Царя под сенью смерти сохранит;
Расширит над владыкой длань благую!
Но что? не царь ли под твой кров спешит?
Грядем! я приближенье духа чую!"
И было так: провидел Самуил,
Прозрел, но не телесными очами,
Как сын от стада в дом отца спешил.
Повеяв чудотворными крылами,
Святой восторг на старца находил:
Он над грядущими парил летами! -

Но идут и пришли, и се - у врат
Семь красных, мощных юношей стоят.
Когда увидел, в древний дом вступая,
Вещатель Элиава пред собой,
Тогда он молвил, Бога вопрошая:
"Не доблестный ли сей избранник твой?"
И был ответ: "Познай, - душа благая
Единая угодна предо мной;
На мощь вы зрите и на стан высокий,
Но мой ли взор есть взор очей твоих?"
Аминадав явился черноокий,
Самай, мудрейший в братиях своих;
Но тот, кто мерит мрак сердец глубокий,
Всевидящий, отверг и презрел их.
И не взыскал Бог никого из прочих,
Нет, никого из всех могущих сих,
И не вещал глаголом уст пророчих
Ни одному: паси людей моих!
Все семеро веселье мыслей отчих,
Но выше их кто кроток, благ и тих.
И жрец гостеприимна вопрошает:
"Или я видел всех твоих детей?"
- "Еще есть отрок, - старец возвещает, -
Залог последний матери своей;
Но мал; лета не многие считает:
Поставлен он над паствою моею".
- "Пошли ж по нем, не отложа, ко стаду:
Ты всуе ставишь яствы предо мной;
Пока мне не предстанет, не воссяду!"
Домостроитель подал знак рукой -
И потекла к возлюбленному чаду
Седая Балла, поюнев душой,
Но с отроком сошлася под вратами.
"Ты где же медлил? - старица гласит. -
Добры вы! не управишь ныне вами!
Без агнца вечерять ему, Давид!"
Но хитрыми приправлено руками,
Пред гостем брашно вкусное стоит.
"Иди же: близок час и сна и ночи;
А тщетно к яствам нудит твой отец:
Пока тебя его не узрят очи,
Укрухи хлеба не коснется жрец.
Что знаменует, сын мой, зов пророчий?
Что ныне о тебе решил творец?"
Предстал Давид пред взоры Самуила,
Пес верный отрока сопровождал;
В широких раменах являлась сила,
Румянец на щеках его играл,
Сверкали очи, будто два светила,
Но ростом был прекрасный пастырь мал.
И старцу был призыв от пресвятого.
"Не сей ли упасет моих людей?
Помажь на царство юношу благого:

Восстань и миро на него излей!"
Тогда излил на пастыря младого
Господень раб таинственный елей,
И над Давидом божий дух с того дня
Во всех делах и подвигах парил;
Его крепила благодать господня,
Держал и защищал его Бог Сил;
Изнемогла, смирилась преисподня:
На выю он противных наступил.

Итак, мое построено преддверье!
Но совершу ли здание когда?
Быть может, подвиг мой - высокомерье,
Огонь и дар мой, может быть, - мечта!
Паду - и посмеется мне безверье,
Посвищут мне надменные уста. . .
Кто, кто тогда подаст мне утешенье?
И сам себе прощу ли дерзновенье?

Но и тогда благословенно будь,
Души моей невинное прельщенье!
Я пел - и мир в мою вливался грудь...
Меня тягчили, как свинец, печали:
За миг не мог под ними я вздохнуть;
Вдруг окрылялися, вдруг отлетали -
И что же? - светлым мне мой зрелся путь!

Где, где же те, кого любил я в свете?
Кому мое преддверье посвящу?
Ужели все забыли о поэте?
Ужели я один по них грущу?
Их жизнь роскошествует в прекрасном свете,
А я. . . но сетовать я не хочу:
Отрадно мне вспомнить дружбу нашу;
Мой труд любезным именем украшу.

В науках мой наставник и пример,
Ты услаждал моей судьбины чашу!
Ты ныне где, мой верный Исандер?
Еще ли ты средь камней Гурджистана,
В отчизне гор, потоков и пещер?
В Москве ли ты, в столице Иоанна?
Во граде ли Петра, в стране тумана,
Где неба свод бессолнечен и сер,
Где вяну я?..

Увы! вотще страданья
В моих я персях силюсь одолеть:
Проснулись все на зов воспоминанья,
Дрожит мой голос, я не в силах петь!
О славе ли, безумец, я мечтаю?
В глухих стенах, в темнице умираю!

И песнь моя не излетит вовек
Из скорбного, немого заточенья!
Мой боже! я ничтожный человек,
Дитя мимолетающего мгновенья,
Смягчиться повели моей судьбе...
Или пусть час ударит разрешенья:
И полечу, создатель мой, к тебе!

Туда зовет меня мой искупитель:
Там радость вечная, там вечный свет,
Оттоле я, полей эдемских житель,
Взгляну на прежнюю мою обитель,
На область испытания и бед;
Не ищет муж младенческой забавы,
Равно земной не пожелаю славы...
Но жить я буду для любви одной!
Небесный светоч, сладостную веру,
Друг, ты возжег впервые предо мной:
И здесь и там должник я Исандеру!

II

КНИГА "ПРИЗВАНИЯ"

Вновь я один: тяжелые затворы
Меня от жизни отделяют вновь.
Подъемлю к небу страждущие взоры, -
Со мной простились дружба и любовь:
Не мне было, родимые, жить с вами!
Неистово моя кипела кровь;
Был в даль влеком я шумными мечтами,
В седую даль рвалась душа моя,
Рвалась за бурями, за облаками;
Сердечных гроз игралищем был я, -
И грозы те любезных мне терзали,
И в скорбь и в кару был я вам, друзья!
И что ж? - изгладьте счет с своей скрыжали:
Долг кровью искупить бы я готов;
Но ах! меня не стены ли объяли?
Вы мне не внемлете из-под оков!

Рукою легкой сеешь оскорбленье,
Ничтожный раб изменников-часов;
А царь твой - непреклонное мгновенье;
А дастся ли, слепец! твоим мольбам
По самый гроб с тем братом примиренье,
Который взор возвел к твоим очам,
Стоит и ждет из уст твоих привета
И медлит отступить к твоим врагам?
Спешите! - не купишь и ценою света
Того, что ныне отвергаешь ты...

Душа моя безбрежной тьмой одета;
Меня стесняют черные мечты,
Огромные меня призраки борют;
Спрошу ли? - но здесь область немоты,
Здесь мне одни глухие камни вторят,
Здесь шепчется лишь с ночью хладный страх...
"Не будет, - шепчет, - дня, и не отворят,
И вот в родных дубравах и лугах
Спасительницу божию десницу
Век не прославит на святых струнах..."

О! да узрю хоть раз еще денницу!
Душа моя, к нему, к нему взывай!
Так, превратить он силен и темницу
В исполненный духов небесных рай, -
Воспрянь, бодрись, исполнись упования;
В отчизну дум свободных возлетай!

Завесою сребристого мерцанья
Луна покрыла спящий Гаваон;
Но не спал царь, исполненный страданья,
Бежал его смиритель скорби сон;
Его давил лукавый дух от Бога;
Из тьмы унылый износился стон.
И, бодрствуя у царского чертога,
Так рек Иоанафану Авенир:
"Царя мучитель наказует строго:
Могущую покинул душу мир;
И се подъялись снова филистимы:
Без пестуна Израиль, слаб и сир...
Что ж? крыться будем ли, врагом гонимы,
В горах, в скалах, среди лесов и роц?
Или восстанем мы неколебимы
И воскресим царя былую мощь!
Какой, Иоанафан, какой цельюю
Прогоним грозную, глухую ночь,
Объявшую царя евреев тьмою?"
- "Врачует песнь болящие сердца, -
Ответствует Иоанафан герою. -
Ты мудрого не знаешь ли певца?
В руке певца священные перуны:
Нам возвратят владыку и отца
Златые, чар напитанные струны".
Умолк и к сыну Нира взор подъял;
Но в речь тогда вступил воитель юный,
(Он стражем пред ложницею стоял):
"Ко мне склоните слух, вожди евреев!
В Эфрафе песнопевцу я внимал:
Давид по имени - сын Иессеев;
Саула чистый отрок исцелит -
Так поразит еще Саул злодеев,
Прострет над нами неприступный щит,
Надейтесь, князи: рань иноплеменных

Еще пред нашей ратью побежит".
Как вешний луч с полей, красы лишенных,
Снимает зимний, тягостный туман,
Так с слов отрадных, свыше вдохновенных,
Воспрянул доблестный Йоанафан;
Взял воина поспешно за десницу,
Сказал: "Благий совет тобою дан!" -
И в отчую ведет его ложницу.
Стоял в ночи средь храмины Саул
И в прах поверг венец и багряницу;
И в прахе меч лежал и лук и тул,
Был бледен царь и дик и без одежды.
Вошли; на сына страждущий взглянул,
Очнулся; мрак его покинул вежды;
Вздыхнул он, по челу повел рукой;
Воссел; "Ужели нет, - сказал, - надежды?
Ужель не возвратится мне покой?"
К Саулу сын глагол свой обращает:
"Бог ведро посылает за грозой:
На помощь Бога царь да уповаает!
Да взыщет жертвой гневного творца!
Вещать же раб твой пред тобой дерзает:
Испало здравье твоего лица;
Но в песнях дивная душам отрада;
Пошли в Эфрафу быстрого гонца
(Фаресовы искусны в песнях чада),
Пусть вещей предстоит тебе певец!
Владыку осенит ли облак ада?
Впадет ли в бездну скорби мой отец?
Пусть на струнах раздастся глас могущий:
И дух уступит властелю сердец!
Есть в Вифлееме юноша цветущий
(Ему родитель старец Нессей),
Разумный отрок, сладостно поющий,
И вещею мне славит воин сей.
Он сам ему внимал душою жадной,
И знает дом его и всех друзей..."
И царь утешен речию отрадной;
Так зноем изнуренная земля
Вкушает дождь обильный и прохладный,
И блещут новой роскошью поля.
"О свет надежды! - он простер вещанья. -
Ты, тьму души унылой раздели,
Смирил мои мятежные стенанья!
В Эфрафу, бодрый витязь, потеки;
Поведай старцу: ждет Саул даянья,
Драгого дара от его руки;
Муж древний! так скажи ему, о сыне
Не сетуй, в радость сердце облеку:
Нет! не овец ему пасти в пустыне;
Твой отрок будет приближен к царю,
Царю он будет предстоять отныне. -
Спеши ж, уходом упреди зарю:

Да не промедлишь где в дороге, воин!
Пусть скоро твой приход счастливый зрю!
Великого возмездия достоин,
Не все будет тягостный твой путь. -
А ты, - тобой я в скорби упокоен;
Прийди, да припаду тебе на грудь,
Сын, друг мой, всех забот моих делитель;
Счастливее Саула, сын мой, будь! -
Будь мощный, радостный по мне властитель;
Возвысь избранный господом народ!
Но что я рек? - Отринул вседержитель,
Отвергнул Бог мой злополучный род,
Увы! вотще мое благословенье!
Ему подобен шум бессильных вод;
Но как утес небес определенье:
Подвигнет ли скалу ревуший вал?
Глухой судьбы не победит моление:
Тебе в наследство клятву я стяжал!"
И снова скорбь Саула одолела;
Он, обнимая сына, возрыдал;
Расслабли члены крепосного тела;
На одр страдалец пал, лишенный сил.
"На мне рука господня тяготела, -
Так он, подъемлясь, с страхом возгласил.-
Был в исступленьи я - и дух виденье,
Ужасное виденье мне явил!
Казалось мне, меня объяло тленье,
Лежал я средь белеющих костей,
По полю разметало их сраженье;
Моих я зрел растерзанных детей,
Я зрел тебя: пронзенный и безглавый,
Ты был завален грудю мечей.
И вдруг явился отрок величавый
И молча ходит между мертвых тел,
Стал надо мной, взял мой венец кровавый,
Мою порфиру дерзостный надел,
И я... Но с тверди, мглою покровенной,
Могущий глас над полем возгремел:
"Сей прах да светится с лица вселенной!"-
Тогда сокрылись холм, и дол, и лес;
С земли дхновеньем бурным восхищенный,
Ношуся шумен под шатром небес...
Но ты вошел - и отступил мучитель,
И призрак в синем воздухе исчез" -
Так горестный беседовал властитель.
При блеске же полуночных светил
В Эфрафу, в Иессееву обитель,
Саулов вестник доблестный спешил...
...И на холме цветущий град Халева,
Младого солнца блеском озарен,
Явился зренью вестника царева.
Он в граде сем, он в сих стенах рожден.
Взглянул: не дол ли, где под кровом древа

Меня же не увидишь, Авинора,
Журчащий в сладком сумраке ручей!
Мне не бродить в тени родного бора;
Не зреть, отец, могилы мне твоей:
Вы умерли для узничьего взора,
Свидетели моих счастливых дней!
Как часто на берегу реки родимой,
Видений, снов, надежд, восторга полн,
Безбрежными желаньями томимый,
Прислушивался я ко стону волн!
Туда рвалось сердце, в край незримый,
Куда из глаз моих скрывался челн.
И что же, что обрел в стране чудесной,
В которую стремился я тогда?
Ее, во блеск одетую небесный,
Являла мне обманщица мечта...
Объемлет мрак меня; в темнице тесной
Уединенные влачу лета!
Но вы слетите, дум моих созданья!
Поведайте святые были мне;
Меня не допускайте до роптанья:
Жив Бог мой, жив в надзвездной вышине!
Сбирает ангел слезы и стенанья;
Судьба в безмолвной зреет тишине!

Уже прияли Асаила стены;
Шагают медленно его стопы:
Везде ему встречаются премены,
Везде превратности земной судьбы!
Где дом Арама, древностью почтенный?
Остались только падшие столпы!
Здесь Иофор, Исмаила потомок
(Но возрастил отца его Вооз),
В сад обратил седой скалы обломок;
Утес оделся тканью нежных лоз...
Раздался голос сладостен и громок:
То соловей поет, любовник роз.
Там дале, мудрой хитростию строя,
Жилище зиждет новое Додой;
Но юноше мил прежний дом Додоя,
Тот ветхий дом, смиренный и простой,
Где возрастал клевет и друг героя,
Додоев сын, Элеана младой.
И вот исходят красные девицы,
Износят водонос на раменах:
На лицах цвет алеющей денницы,
Любви улыбки на живых устах;
На шуйцу съемля водонос с десницы,
С вопросом испытующим в очах
На путника взирают... вдруг узнали.
"Ужели ты в Эфрафе, Асаил?"

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Да здравствуешь, Саруин сын!" - вещал".
Посол пред красными чело склонил,
Им усмехается, но, к их печали,
Вдруг в Иессеевы врата вступил.
Он входит... Добрый пес, его почуя,
Подъял оградой повторенный лай.
И к сыну вдруг бросается Саруя.
"Господь тебе веселья, счастья дан!" -
Так вопиет она, его целуя.
Воздвигся звать родителя Самай;
Пришельца радостны обстали братья;
Но сам поспешно Иессей притек,
Младого воина прияв в объятья,
"Будь здоров, возлюбленный! - питомцу рек. -
С весельем ли тебя могу приять я?
Царь не разгневан, юный человек?"
И был ответ: "И царь, и воевода,
И сын царев ко мне благоволят;
Вину ж познайте моего прихода!"
И, вмиг умолкнув, все кругом стоят.
"Царь твоего желает ветви рода!" -
Он рек и поднял на Давида взгляд.
Потом о царских говорит страданьях
(Их только песни могут усладить),
Давида хвалит в хитростных вещаньях,
Отца боязни тщится устранить:
На пышных долго медлит воздаяньях.
Ему подобно, пагубную нить
Обводит кровопийца сокровенный,
Паук, алчбой наставленный ловец,
Вокруг добычи, бдительно плененной.
Уже без страха слушает отец;
Но в думы о грядущем погруженный,
Стоит пред ними сумрачен певец,
Когда же вестник, далее глаголя,
Пред старцем повторил цареву речь,
Тогда отец вещал: "Господня воля!
Не ныне ли година битв и сеч?
Без пестуна печальна наша доля:
Да укрепится в царской длани меч!"
Умолк; но в тихих персях мыслью тайной
Давида чудный жребий обращал:
"Нет! сын Саруин вестник не случайный;
К помазаннику Бог его послал:
Се первый шаг к судьбе необычайной,
К которой он смиренного избрал!"
Крылами старца осеняет дума.
Он к сыну воздвигает долгий взор;
Но сей уже от суеты и шума
В священный, древний устранился бор.
Тянулся за полночными вратами,
Глубокой тьмою кроя темя гор,
Отец лесов, воспитанный веками.

Там песнопевец в тишине святой
Бывал пленяем дивными мечтами;
Там он сложил псалтири звучный строй.
Летали по струнам живые персты,
И к небесам он воспарял душой
И видел пред собой эдем отверстый.
Послыша песнь его, смирялся лев,
Кровавый барс, медведь обильношерстый
Стихали, прекращали дикий рев,
Не ужасали боязливой лани,
Внимали молча из-под сени древ.
Давид, подъемля бремя испытаний,
Прощаясь с воздухом родной страны,
Простер благоговеющие длани -
Вознесся звук с трепещущей струны;
Подъялся глас, как пар благоуханий:

"Среди братьев юн и мал,
По следам ходил я стада;
Песни были мне отрада:
Звуки сердца Бог мне дал.

Царь ко мне склоняет слух,
Вдаль зовет меня могущий:
Из моей изыду кущи,
Взятый от овец пастух.

Как же глас мой за предел
Скал седых, равнин обширных,
Гор отчизны, долов мирных
Так нежданно излетел?

Пел не для владык земли
Отрок темный и беспечный;
Пред тобою пел я, вечный!
Ты, всевышний, мне внемли!

Да яснее мне твой день!
Облачи меня в надежду;
В упованье, как в одежду,
Душу сирую одень!

С колыбели ты мой Бог;
Я к тебе подъемлю руки:
Кто ж моей псалтири звуки
Взвеев в твой святой чертог?"

Сам он услышал, сам повсюдусущий;
Он возглаголил манием очес:
Воздвигся Гавриил быстротекущий
И в миг единый с высоты небес,
Быстрее смертных помыслов полета,
Спарил в объемлющий Давида лес;

И лес чудесного исполнен света,
И се увидел юноша святой
Во ткань, белее снега гор, одета
Архангела господня пред собой.
Во прах простерся отрок уstraшенный;
Но ангел рек: "Восстань, господь с тобой!
Им послан я к тебе, благословенный!
Да идешь без боязни в Гаваон!
Еще Саул восстанет сокрушенный,
Еще вождем евреев будет он:
И победит Азот, и Геф, и Газу,
И одолеет гордый Аккарон:
Щадит господь благой, казнит не сразу!
Но сирого свирепый оскорбит;
Тогда, как струп, Саула, как проказу,
Саулов род каратель истребит, -
И ты воссядешь на его престоле.
Господень будет над тобою щит.
Верьйся ж бодро благостного воле:
Твоих злодеев изнеможет гнев;
Весну твою взлелеявшее поле
Без страха променяй на дом царев!"
Умолк и как мерцание зарницы
Исчез. Давид один во мраке древ.
Но, покровенный блеском багряницы,
К покою клонится усталый день;
Отрадный вечер возвещают птицы;
С дубов огромная простерлась тень;
Душистая повеяла прохлада.
Спешит избранник под родную сень.
Кормилица возлюбленного чада
Печальная готовит одр ему;
Впоследнее златого сна услада
Сойдет к Давиду в отческом дому!
И се, прияв отца благословенье,
Отшелец уклоняется ко сну...

III

КНИГА "АФЕСДАММИН"

При бледном свете западной Авроры
Достигнул путник высоты крутой,
К которой устремлял из дола взоры;
Цветущий луг оставил за собой,
Покинул злачные холмы и горы,
Эдем роскошный, созданный весной;
Стал и глядит с вершины безотрадной...
Лежит пред ним седая глубина,

Подернутая мглой густой и смрадной;
Туманы поднимаются со дна;
Горе их возвевает ветер хладный,

Но не расторгнется им пелена, -
Так я стою на жизненной вершине,
Так вижу пред собой могильный мрак;
К нему, к нему мне близиться отныне,
Пока мне не предстанет смерти зрак,
Не поглущусь в отверстой всем пучине,
Не скроюсь, как полуночный призрак.
Огромный сын безоблачной Тосканы,
При жизни злобой яростных врагов
В чужбину из отечества изгнанный,
По смерти удивление веков,
Нетленных лавров ветвями венчанный
Творец неувядаемых стихов!
И ты шагнул за жизни половину,
Тяжелый полдень над тобой горел;
Когда, в земную ниспустясь средину,
Ты царство плача страшное узрел,
Рыданий, слез и скрежета долину,
Лишенный упования предел. . .
Не силою чудесной дарованья -
Злосчастьем равняюсь я с тобой.
Но смолкните, бесплодные стенанья!
Да преклонюсь смиренною главой
Под быстрые, земные испытанья,
Мне данные всевышнего рукой!
Ужели милость Бога позабуду?
Ужели не был в жизни счастлив я?
К отцу вселенной благодарен буду:
Он, моего создатель бытия,
Он охранял меня всегда и всюду;
И юность улыбалась и моя!
Еще младенец, пил я вдохновенье;
Умру, но, может быть, умру не весь;
Печальный, горький жребий - заточенье,
Но, счастливый дитя, пою и здесь;
Есть надо мной и ныне провиденье:
Почто же, слабый, унываю днесь?
Игру вещей струн сын Иессеев
Не долго услаждал Саулов слух;
Не долго усмирял царя евреев
Свирепой скорбию теснимый дух:
Война! На брег ли ступит рать злодеев -
От жажды их поток мгновенно сух;
Пред ними красное подобье рая,
Но вторглись, вознесли кровавый меч,-
За ними степь простерлася глухая;
Восходит к небу средь убийств и сеч
Зловонный дым, огонь трещит, сверкая;
Прошли - замолкнула живая речь.
Как язва, как пожар, как наводненье
Или колеблющий природу трус,
Опустошал Израиля владенье
Царь Гефа, бурный, дерзостный Анхус;

Пред грозным - страх, за ним - оцепененье!
Так некогда, любимец славы, рус,
И на тебя обрушилося море
Неистовых, бесчисленных врагов;
Земля твоя вопила: горе! горе! -
Но воскипела кровь твоих сынов,
И се летят с веселием во взоре,
Вселенна ждет; сразились - нет врагов.
Саул с утеса вострубил трубою:
На звучный глас, на дикий зов войны,
Копье хватая жилистой рукою,
Воспрянули от лона тишины,
Взвились, шумящей понеслись толпою
Израиля могущие сыны.
Коней седлает Рувим окрыленных,
Воздвигся ярый мечебоец Дан,
Ефрем борцов сзывает дерзновенных,
Взроился шумный Галаадов стан,
Грядет Асир с пределов отдаленных,
На битву мчится Гад, как хищный вран!
Спустился Симеон с горы в долину,
Покинул челн прибрежный Завулон,
Вручили жезл начальства Веньямину;
Сошлись, притекли со всех сторон.
Иуда же всю наводнил равнину,
Всех братьев силой превосходит он. -
А юноша узрел отчизну снова.
Он вновь среди своих любезных гор,
Он вновь вступил под сень родного крова;
Вновь видит сердцу незабвенный бор,
И жадным зрением лица отцова
Роскошествует Давидов светлый взор.
Он бродит, сладостной тоской влекомый,
Лежит на нем блаженство, как недуг;
Он каждый холм приветствует знакомый,
Он каждый злачный посещает луг:
Счастливицу все - утесы, стены, дома,
Все, самый воздух - возвращенный друг!
Но мне не счастья писать картину,
Не радость, не смеющийся покой!
Покрытую шатрами зрю долину,
Шатры иные на горе крутой;
Зовет меня в юдоль Афесдаммину!
Мечи звучат, несется бранный вой!
Из тьмы веков, из алчных уст забвенья
Мой стих вождей исторгнет имена.
Восстаньте же на голос песнопенья,
Воздвигнетесь от гробового сна,
Вы, мужи силы, князи ополченья,
Будь память ваша мощна и славна!..
...Вас в помощь я зову, певцы сражений,
Вергилий, Ариост, Боярдо, Тасс;
Отец Гомер, неистошимый гений,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Чей сладостный, высокий, чистый глас
Был чудом всех веков и поколений!
Певцы славян, или забуду вас?
Тебя, российского создатель Слова,
Великий сын полуночи седой;
Тебя, могущий, смелый бард Орлова,
Тебя, Державин, честь земли родной!
Его забуду ли, певца Петрова,
Забытого пристрастною толпой?
Бодришь, Шихматов! ждут тебя потомки;
Тебя почитают веков правдивый суд;
Преклонят внуки слух на глас твой громкий;
Увенчан будет лаврами твой труд,
А памятники ложной славы ломки,
Как созданный скудельником сосуд...
Певцы! даруйте звучность и паренье,
И мощь, и быстроту стихам моим:
И возведу кровавое смятенье,
Твою свирепость, ярый филистим,
Евреев вопль и дивное спасенье,
От господана ниспосланное им!..
...Пусть будет прежний бой поток свирепый,
Который, воздымая звучный рев,
Наполня громким грохотом вертепы.
Кипит, валит обломки скал и древ,
Клокочет, рвет препоны и заклепы,
Летит и падает в бездонный зев, -
Но океан, до облак восходящий
Безбрежным гневом скачущих зыбей.
Трубою страшного суда гремющий,
Несытый пожиратель кораблей -
Бой новый, с воплем бешенства летящий
По грудам тел Иаковлих детей!
Вотще Халев, Иоанафан, Ванея,
Вотще мужей властитель Авенир
Зовут, бодрят бегущего еврея:
Он покидает алчной брани пир;
Бежит, но не спасется, цепенея,
От маха грозных Хамовых секир.
Свирепый гнев тогда схватил Саула;
Тяжелое колебля копие,
Он возопил в услышание гула:
"Отныне срам наследие мое!
Увы! Израиль, мощь твоя заснула;
Но вероломство накажу твое!"
И мчится он, страшнее филистима,
Каратель грозный бледных беглецов,
И рать, неистовым вождем гонима,
Вновь хлынула на дерзостных врагов;
Но царь вонзил железо в Людиима
И гнусный труп метнул до облаков.
И вот лицо к лицу с Ионафаном
Сошелся Хус: но, преклоня меч;

"Делами славен ты и славен саном! -
Так обратил герой к герою речь. -
Тебя давно ищу я в поле бранном,
Тебя ищу среди кровавых сеч.
Тебя ли встретил ныне. . . Час блаженный!
О сын Саула! Я прославлюсь днесь;
Воитель, средь евреев вознесенный!
Могущий витязь, силу Хуса взвесь:
Один из нас, железом пораженный,
Один из нас падет без жизни здесь!"
Так Хус вещал... И с быстротой чудесной,
Как ярый вихорь, сжатый между гор,
Свистящий, воющий в юдоли тесной,
Как вод, гонимых бурей, напор,
Как в ночь ненастную перун небесный,
Слепящий блеском уstraшенный взор, -
Так, славы пламенной алчбой объятый,
Нагрянул, вмиг и здесь, и тут, и там,
Вращая быстрый меч рукой крылатой,
На внука Киса твой потомок, Хам!
Разит то твердый щит, то шлем косматый:
Не слабым следовать за ним очам!
Чудесная, единственная встреча
Двух равных силой, доблестных бойцов
Сзывает зрителей сблизит, сдалеча,
Влечет с противных воинства концов;
И се, холмом хребет свой обеспеча,
Придал к земле муж славный меж стрельцов,
Князь Элисам, сражающий стрелю
В парении надоблачном орла;
Он ждет, - но не дивится праздный бою,
Нет! взором ищет Хусова чела,
И вдруг за свистнувшю тетивою
Завыла меткая его стрела!
Стрелу отвеял ветер; ниже рама,
На гибель Хусову открылена
Неотразимым луком Элисама,
В десной сосец вонзилася она.
"Кто ты? [Гнуснее, чем грабитель храма],
Нет, не отвагой грудь твоя полна", -
Саулов сын воскликнул, раздраженный.
Но гневных слов воитель не скончал:
Глубокой язвой прежде пораженный
(Пылающий ее не ощущал),
Незапно хладным мраком покровенный,
Колеблется и возле Хуса пал;
Жестокой жаждой мщения боримы,
Вождя подъемлют с воплем на щиты,
Несут его молодые филистимы
На грозные, седые высоты.
Но что? Ионафан неустрашимый!
Какой судьбою был постигнут ты?

От ярости противников безмерной
Тебя, сражаясь, отстоял Эман,
Оруженосец доблестный и верный;
Сквозь пожираемый пожаром стан
Изнес тебя, сокрыл во тьме пещерной,
Сам пал и умер от несчетных ран...

Воителей жестоких и надменных,
Ниспавших на Израиль с высоты,
Не много здравых, целых и спасенных.
Далида, дева битв! едва и ты
Избегла рук евреев разъяренных
Под ризой распростертой темноты.
Аминадав, Саулов сын могущий,
Настиг тебя и, вознеся булат:
"Стой, филистим, беглец быстротекущий!
Настал твой час: погибни, сопостат!" -
Но шлем твой пал, он видит лик цветущий:
Окован, удивлением объят!
"Рази, еврей! - вещает дева брани.-
Нет, нашего стыда не преживу!
Жду смерти, как отрадной, сладкой дани;
Ее, как избавителя, зову.
Сама я под навес враждебной длани
Склоняю, радостна, свою главу!" -
Но витязь страстные подымлет очи
К очам прелестным девы молодой;
Забыто все: мятеж ужасной ночи,
Погибших стоны, кровожадный бой,
За братьев месть, суровый образ отчий,-
Все, - он живет, он дышит в ней одной!
"О дева! ты свежее роз Сарона,
Кропимых чистой влагою росы,
Стройнее пальмы гордых рощ Эрмона,
Светлее звезд полуночных красы,
Твой голос соловья нежнее стона
В златые, предрассветные часы!
Сойди с коня, волшебница младая!
Царица! властвуй над моей душой;
Безбрежную любовь сгорая,
Счастливец, я невольник буду твой;
Вокруг тебя дыханье веет рая:
Пленен я, очарован я тобой!" -
Так говорит воитель исступленный;
Она ему внимает - и молчит.
Вдруг острыми бодцами окрыленный,
Содрогся конь и как перун летит:
Исчезла дева, как призрак мгновенный;
Вослед он смотрит, он тоской убит!
И се чудесный муж, седой и строгий,
Предстал незапно юноши очам:
"Почто стоишь? почто коснеют ноги?
Почто не мчишься по ее следам?"

Зовут тебя ее златые Боги!
Спеши! к господним отложись врагам!
Не медли: ты Саулово рожденье,
Достойный сын отступника-отца!
Отвергнул Бог все ваше поколенье;
Не обратит вовеки к вам лица:
Его судеб услышь определенье,
Внемли глаголу гневного творца!
Бог предал в грешную твою десницу,
Надежду гордых Хамовых детей,
Евреев бич, друзей твоих убийцу;
Но ты не опустил руки твоей,
Ты пощадил рыкающую львицу:
Бог предает тебя на жертву ей!
Холмы Гельвуи! вас ли вижу ныне?
Ответствуйте: кто витязь сей молодой?
Как кедр, он высился в своей гордыне!
Но пал, пожатый женскою рукой!
Не ветер, слышу, воющий в пустыне,
Израиля несется плач и вой!"
Умолк. Но воин томными очами,
Как ото сна испугом пробужден,
Над долом, над утесом, над шатрами
Блуждает долго, в думы погружен.
Светило дня восходит за скалами;
Он идет в стан уныл и возмущен.

Очищен стан от пришлецов строптивых;
Огонь чудесно сам собой потух:
Восходит глас молитв благочестивых,
Младых евреев ликовствует дух,
Гул песней их, согласных и счастливых,
Живит и напояет жадный слух.
Саул в шатре, в главах Ионафана:
Воскормленный концом копья боец
Сложил величье и суровость сана,
Сложил и шлем, и грозный свой венец,
Ему нанесена любимца рана;
Не победитель он, он весь отец.
Он только сына чувствует страданье:
Сидит во тьме над отроком своим,
Сидит; хранит тяжелое молчанье,
То страхом, то надеждою борим,
Считает каждое его дыханье,
Дрожит... услышал: дышит вместе с ним!
В противном стане ужас и смятенье:
Воздвигнуться и обратить хребет
Готово филистимов ополченье,
И под Анхусов сумрачный намет
(Обуревают их недоуменья)
Стеклися воеводы на совет.
Вдруг раздалась восторженные гласы;
Не престаёт все войско восклицать:

Как в летний день под быстрым ветром класы,
Так возроилась радостная рать!
Адер, царев советник сребровласый,
Вступил в шатер и начал так вещать:
"Анхус и вы, князья и воеводы!
Отриньте тяготу печальных дум.
Бывает ведро после непогоды;
Восстаньте, проясните скорбный ум!
Грядут от Гефа новые народы...
Встречающих вы слышите ли шум?
Их вождь подобится сынам Энака,
Исчадиям молодой еще земли,
Которые в глухую бездну мрака,
Огромные, на вечный сон легли;
Муж грозный, страшного лица и зрака!
Две тьмы за исполином притекли".
- "Друзья! - властитель прервал речь Адера. -
Друзья, насытить поспешите взор:
Страшилищу шесть локтей с пядью мера;
Власы его - густой, заглохший бор,
Врата градские - щит, шелом - пещера,
Глас - гром, ревуший средь дрожащих гор!"
Веселием лицо вождей суровых,
Веселием их сердце процвело;
Встают, текут из-под завес шелковых,
Возносят гордо ясное чело;
Ведут беседу о сраженьях новых,
Готовят новое евреям зло.
Уже никто не помнит пораженья,
Всех упоят будущий успех;
На Бога сыплют грешники хуленья,
Подъемят рать Израиля на смех;
Все требуют, все жаждут нападения:
Исполнило слепое буйство всех.
Но Фуд, вперяя в Голиафа взоры,
Шепнул Анхусу: "Светлый властелин!
В чужбине без довольства, без опоры
Мы гибнем меж утесов и стремнин;
Намокли нашей кровью дол и горы, -
Да прекратит войну удар один! -
Пусть Голиаф, оружием покровенный,
Блестящий в злате солнечных лучей,
Сойдет во стан Саулов уstraшенный
И так речет: "Найдется ли еврей,
Найдется ли меж вами дерзновенный
Изведать тяготу десницы сей?
Померимся! - и, если одолеет,
Покорствуя велению судьбы,
Никто противустать вам не посмеет,
И будем вам всегдашние рабы;
Но если предо мной не уцелеет,
Да будете рабами Хаму вы!"
Оставят ли наш вызов без ответа -

Мы победили: тот уж поражен,
Чья кровь огнем отваги не согрета,
Кто может быть угрозой уstraшен;
Впадут ли в сети нашего навета -
Уже заране, мыслю, бой решен!"...

...Доселе я, могущие терцины!
На ваших звучных прилетел крылах.
Разнообразно-быстрые картины
Живописались в моих очах:
В мечтах я почерпал цельбу кручины,
Веселье даже обретал в мечтах.
Не погасай во мне до совершенья,
Небесный, чистый пламень вдохновенья!

Пусть моего земного бытия
Оставлю некий памятник в грядущем!
Пусть оживу в потомстве дальнем я.
Восстав от гроба, в образе цветущем!
Всплыви, не погружайся, песнь моя,
В потоке том, без устали текущем,
Которого огромный, вечный шум
Глокает отзыв дел, и слов, и дум.

Тогда, сойдя к брегам реки молчанья,
К тебе приближусь робко, дивный Тасс!
Услышу мудрые твои вещанья,
Услышу твой сладчайший меда глас.
На тех берегах, исполнен трепетанья,
Поэты всех веков, увижу вас,
Сыны разноязычных поколений,
Но всех вас обессмертил тот же Гений!

На локоть опершись, среди цветов,
Не угрожаемых зимою хладной,
Гомер, священный праотец певцов,
Улыбкой озаряясь отрадной,
На сладость Ариостовых стихов
Склоняет слух внимательный и жадный;
Близ них стоит величествен, один,
Прославивший Каялу славянин.

Но Дант и Байрон, чада грозной славы,
Под сумрачным навесом древ густых
Обитатели безмолвия - дубравы
Беседуют о горестях земных;
Мечтою шествуют вослед отравы,
Отравы, изливающей в живых
Весь холод тления, весь ужас гроба;
Главу склоняют, - умолкают оба.

Среди роскошных вас узрю равнин,
Вас, чистые и сходные светила,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Софокл, Вергилий, Еврипид, Расин!
Но близ Аристофана, близ Эсхила
Предстанет мне чудесный исполин:
Тебе подобен он, певец Ахилла!
Едва ли не достиг той высоты,
Которой обладал единый ты.

Подъемля взор с поэта на поэта,
Влекомый душу высказать мою,
Сиянием их сладостного света
И взор и душу жадно упою.
Но Тасса тень, в тончайший блеск одета,
Меня усмотрит нового в раю;
Ко мне направит шаг свой бестелесный.
"Кто ты?" - речет с улыбкою небесной.

Уведает и кроткою рукой
Введет, введет меня в их круг священный,
Их окружусь блаженною толпой,
Восторгом непостижным упоенной,
И о певцах земли моей родной,
О вас, певцы отчизны незабвенной,
Услыша их приветливый вопрос, -
И там, и между ними буду росс! -

О Грибоедове скажу Мольеру,
И Байрону о Пушкине реку;
Поэт, воспевший в провиденье веру,
Воспевший сердца страстного тоску,
Жуковский! к барду, твоему примеру,
Любимцу твоему, я притеку
И назову тебя... и тень святая
Былые звуки вспомнит среди рая.

IV КНИГА "УПОВАНИЯ"

Златое лето быстро протекло;
Провеяло над желтыми лесами
Холодной, влажной осени крыло;
Покрылась твердь густыми облаками;
Гусей станицу к югу повлекло:
С ружьем охотник бродит над холмами.
Дряхлеет мраком покровенный год:
Борей, исторгшись из глухой пещеры,
Браздит прозрачную равнину вод;
Пал на поля туман тяжелый, серый,
Зимы жестокой недалек приход:
Но близок день Любви, Надежды, Веры.

Святые сестры, дивная семья!
Небесная Премудрость вас родила:

Вас, чистые, вас призываю я!
Пусть надо мной почиет ваша сила,
Пусть озарится вами жизнь моя!
Вы будете души моей светила:
Когда неизреченная тоска
На стонущее сердце мне наляжет,
Когда иссякнет слез моих река,
Когда болезнь мое дыханье свяжет, -
Надежда! кроткая твоя рука
Мне вдруг безоблачную даль укажет.
И вслед за нею тихая Любовь:
Уже спокоился мятеж сердечный,
Спокоилась неистовая кровь;
В ее ногах я сплю, дитя беспечный;
Всех тех, кого любил я, вижу вновь,
Мне возвратил их всех отец мой вечный.
Явилась Вера радостным очам,
Уста раскрыла вестница господня, -
Склоняю слух к ее золотым устам.
Нет! создан я не только для сего дня;
Подъемлю взоры смело к небесам;
Редее тьма, замолкла преисподня.
С таинственной, надзвездной высоты,
Где созерцаешь образ всеблагого,
По их следам да притечешь и ты,
София! в область сумрака земного;
И пусть мои все мысли, все мечты
Проникнет ток сияния святого!
Возьму псалтирь я, вдохновен тобой,
Тобой единою руководимый;
Над тлением, и скорбию, и тьмой,
Как лебедь, блеском солнечным золотым,
Так воспарю и глас воздвигну мой,
В безбрежном море радости носимый.

Несозданным сияет светом ключ,
Которым ангелов поишь небесных.
Из-за печальных и ненастных туч,
В глухую ночь пределов мира тесных
Простри ко мне хотя последний луч,
Последний луч твоих лучей чудесных:
Да обличу кичливых слепоту,
Да мощь поведаю души смиренной;
Да воспою достойно битву ту,
В которой пал, Давидом пораженный,
Пал и покрыл всю поля широту
Живого Бога хульник дерзновенный!

Но прежде успокою слух и взор:
Исчезни блеск и звон войны кровавой,
И ты сокройся, витязей собор,
Воспитанных и воспоенных славой!
Взошел я на вершину злочных гор,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Вступил в беседу с шепчущей дубравой;
Брожу вослед серебристого ручья,
Журчащего средь камышей шумливых;
В твоей тени возлягу, древ семья,
Приют прохладный пастырей счастливых! -
Светает день... Кого же вижу я?
Кто юный пестун оных стад игривых?
Он на скале высокой восседит,
Ее же вожделенными лучами
Воскресшее светило дня златит;
Дыханье утра тешится власами,
Глава подъята, лик его горит,
И по струнам он бегаёт перстами:

"Благослови, душа моя!
Воспой Создателя вселенной;
Владыку мира славлю я:
Велик, велик неизреченный!

В сиянье славы Бог одет;
Воздушною повитый бездной,
Как в ризу, облаченный в свет,
Он рек безмерной тверди звездной -

И се раскинулась в шатер!
Грядет: из выпрених селений
На крыльях ветра ход простер,
И тучи - ног его ступени,

Рабы его - полки духов;
Его слуга - крылатый пламень:
Велит - и на лице лугов
Струит потоки твердый камень;

Велит - и, восстонав, назад
Стремятся трепетные воды;
Велит - и вздрогнет бледный ад,
И двинутся столпы природы!

О Боже! Землю создал Ты,
И не разрушится твердыня;
И ты ж послал от высоты
Шумящий дождь - и пьет пустыня:

Онагры ждали в тяжкий день,
Послышали - бегут с утеса;
Примчался пес, притек елень,
Волк жаждой привлечен из леса, -

Всех утоляет щедрый Бог.
На крутизне ж витают птицы,
Смеется вихрям их чертог;
Средь скал поют восход денницы.

Господь траву дает стадам.
Он землю всю питает с неба;
Растит вино на радость нам,
Растит золотые класы хлеба;

Пшеница сердце подкрепит,
Багрец блестящий лозной влаги,
Сверкая, взоры веселит,
В душах возжжет огонь отваги.

Не ты ли, боже! насадил,
Вспоил дождем, питал туманом,
Грел теплотой благих светил,
Воздвигнул кедры над Ливаном?

Их ветви клонятся от гнезд:
В них шум и свист и щекот слышен;
Но дом орла в соседстве звезд
Над всех жилищами возвышен.

Обитель серны высота;
Под камнем дремлет заяц скорый;
Не жизнь ли полнит все места,
Поля, холмы, долины, горы?

Всем основал всевышний грань,
Связует все предел священный,
И не воздвигнутся на брань,
Не истребят красы вселенной.

Быть мерою времен луну
Творец повесил средь эфира;
Возводит солнце в вышину,
Не солнце ли зеница мира?

Оно познало свой восток,
Познало бега и покоя
Положенный из века срок
И в час свой гасит пламень зноя.

Господь подернет небо тьмой:
Тогда наступит время ночи
И звери выступят толпой
Из тишины дремучей рощи.

Но что? подобный грому рев!
Свирепым ошиба размахом
Разит бока крутые лев:
Все кроются, объята страхом.

Встает обильной гривы влас,
Горящий взгляд во тьме сверкает;

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Он к господу подъемлет глас:
Его утробу глад терзает.

Проснется вновь веселый день,
И сонм отступит кровожадный;
Подастся вспять в лесную тень,
Возляжет в темноте прохладной.

С одра воздвигся человек
И бодро, радостно и смело
На деланье свое потек,
До вечера исшел на дело.

Сколь все велико, боже Сил,
Все сотворенное тобою.
Ты все премудро совершил
Могучей, щедрою рукою.

Созданий тьма за родом род
Здесь, на лице пространной суши;
Но и в обширном поле вод
Живут бесчисленные души.

Сонм кораблей в волнах бежит;
В сиянии полудня блещет
Ругающийся морю кит
И столп воды до облак мечет.

Всех ты хранишь, властитель всех,
Все от тебя приемлют дани:
Отваги, здоровья, яств, утех
Твои их исполняют длани.

От них ты отвратишь ли лик -
Они трепещут, жертвы страха.
Незапный трепет их проник;
Речешь - исчезли, нет и праха...

Пошлешь ли духа твоего?
Он распрострет над бездной крилы,
Под дивным веяньем его
Вселенна встанет из могилы.

К хребтам ли прикоснешься гор -
И воздымились во мгновенье!
На мир ли бросишь гневный взор -
Колеблет мир твое воззренье!

Возвеселится о делах
Своей десницы благ податель:
Он славится во всех веках,
Да хвалится вовек создатель!

Пока не пала жизнь моя,
Пока дышу и существую,
Пою господню милость я,
Горе подьемлю песнь святую!

О, да преклонит кроткий слух
Всевышний на мой глас смиренный!
В груди моей взиграет дух,
Святым восторгом упоенный!

А вы исчезните с земли,
Толпы хулителей строптивых!
Чтобы, как не были, прошли
Дела и память нечестивых!

Благослови, душа моя!
Благослови творца вселенной!
Владыку мира славлю я:
Велик, велик неизреченный!"

Так пел Давид всевышнего дела,
Так возносил к благому глас хвалений:
Так жизнь Давида, как ручей светла,
Текущий вдаль из-под древесной сени,
В драгой отчизне, мирная, текла
Средь сладостных о стаде попечении.
Но катится свирепый гром войны:
Уже под ним стонает Иудея;
В Сокхофе варвары ополчены,
В юдоли Телевинфа рать еврея.
Ишли на брань из лона тишины
Старейшие три сына Иессея.

Однажды созданный Воозом кров
Был озарен вечерними лучами;
В огне золотых и чермных облаков
Светило дня тонуло за горами)
Давид с покрытых сумраком лугов
За стадом шел нескорыми шагами,
И ждал Давида во вратах отец:
"Заутра в путь отыдешь без медленья;
Рабыням же предашь своих овец.
В сию годину скорбей и смятенья
Могу ли знать, что мне послал творец?
О чадах сердце жаждет извещенья!
В долину Телевинфа потеки:
Там узришь стан евреев укрепленный;
Там братья примут от твоей руки
Дар, среди нужд военных вожделенный!
Хлеб... десять их, и вретище муки,
И весть подашь им с родины священной"...
...Но что? не стая ль вольных лебедей
Воссела там под черными скалами?

Не снег ли вдруг от солнечных лучей
С вершин отторгся, пал и над долами
Раскинул скатерть белизны своей?
Или жена прилежными руками
Блестящий холст простерла по лугам?
Евреев стан, врагами утесненный,
Вдали предстал Давидовым очам:
Шаги удвоил путник ободренный,
Достигнул рати, стал и по шатрам
Душою долго бродит изумленной.
Потом он ношу стражу поручил,
А сам, о братьях всюду вопрошая,
В могущий полк Иуды поспешил;
С улыбкою вослед ему взирая,
Склоняются на копья мужи сил.
Обрел же вскоре юноша Самая.
Притек и доблестный Аминадав,
И Асаил явился без медленья,
И с ним Авесса, в длань иную сдав
О ратниках подручных попеченья;

Коснеет лишь суровый Элиав:
Он на противном крае ополченья.
И братьев обнял пастырь молодой
И спросил о здравьи, о печали,
О радости их жизни боевой;
С весельем братья брата извещали
И речь простерли о стране родной,-
Но вдруг их крики дикие прервали!
С утеса, мнится, двигнулся утес:
С горы ступает Голиаф надменный;
Грядет, главу вздымает до небес,
Поножами голени покровенны;
Пять тысяч сикль его кольчуги вес,
В железо весь одет, но не отягченный.
Широкий щит висит с его плеча,
Огромный меч опоясует бедра;
Он стал, в броне блистая и звуча,
И, водрузив копье в земные недра,
Подобное орудию ткача,
Потряс пернатый шлем, как ветви кедра.
Младой оруженосец с ним притек,
И сам боец, противникам опасный;
Но Голиаф уста разверз и рек
(Смущает души глас его ужасный!):
"Меж вами есть ли смелый человек,
Найдется ли меж вами витязь красный.
Который бы померился со мной?
Почто исшли вы? мне вы возвестите!
Почто восстали шумною толпой?
Сражаться с филистимами хотите...
Не филистим ли вас зовет на бой?
Зову и жду вас и готов к защите:

библиотека на <http://www.christianart.ru>
К вам исхожу четыредесять дней,
И в день двукраты... исходить доколе?
Что медлите? Пусть доблестный еврей,
Боец, избранный по всеобщей воле,
Испытанный средь вражеских мечей,
Меня единый встретит в ратном поле!
И буде в битве превозможет он,
Пред вами мы преклонимся главами,
Признаем вашу власть и ваш закон,
И будем вам безмолвными рабами!
Но ваш ли витязь понесет урон -
Да властвуем, евреи, мы над вами!"
Умолк. Никто ему не отвечал;
Он покивал строптивою главою,
Подвигся вспять, но возопил со скал:
"Уничижен Израиль в день сей мною!"
Но на чудовище Давид взирал
И воскипел могущею душою. . .
... "Врагу ли нет противника меж вами?" -
Отважный отрок робостным мужам
Вещал нетерпеливыми устами.
"Маное пал, Халев и Фагаил:
С последней битвы тягостная рана,
Ответствует Давиду Асаил, -
Повергнула на одр Ионафана;
Привесть же к войску толпы новых сил
Царь возложил на храброго Масмана".

Д а в и д

Но вождь Иуды здесь и, слышу, здрав!

А с а и л

Хулы бесстрашный брат мой недостоин;
Саулова глагола ждет Йоав,
Готов, но в крепости своей спокоен.
Владычное ж вещание прияв,
Без трепета изыдет смелый воин.
В объятых нежных сладостной рабы,
Из области Анхуса увлеченной,
Не помнит славы, позабыл борьбы
Авиезер, когда-то дерзновенный;
Сын Нира³ не избегнул бы судьбы,
Но цел, отказом царским сохраненный;
В Гавае защищает дом царев
Могущий витязь, доблестный Ванея;
Другие ж, на ужасного воззрев,
Отходят все, дрожа и цепенея;
Но сам ею ты слышал грозный рев,
Но сам ты видел страшный зрак злодея!"
- "Что сотворите мужу, - рек пришлец, -
Который варвара убить успеет?"

И кто сей необрезанный боец,
Что поносить наш полк священный смеет?
Господь противник дерзостных сердец:
Пред Богом ли надменный уцелеет?". ..
...С весельем внял Саул его словам,
"Стыдом не будем более теснимы! -
Вещал. - Пусть смелый муж предстанет нам!"
Желаньем зреть бесстрашного томимы,
Все ожидают мощного борца....
Какое ж их объяло изумленье,
Когда узрели образ пришлеца:
Склоненный взор, и кротость, и стыденье,
Румянец сладостный его лица
И нежных, шелковых власов волненье!
Но пребывают в мраке слепоты:
Из памяти вождей и властелина
Господь изгладил юноши черты.

Д а в и д

О Царь! не ужасайся исполина!
К нему твой раб изыдет...

С а у л

Детищ ты,
Избрала же не детища чужбина!

Д а в и д

Когда твой раб овец отцовских пас,
Медведица на стадо нападала;
Во тьме ночной подъемля грозный глас,
Лев прядал чрез ограды и забрала,
Но Бог тогда был мой покров и спас,
В груди моей душа не унывала!
Вставал я, к зверю поспешал на брань,
Добычу исторгал ему из зева.. .
Противится? простру без страха длань,
Не убоюсь яростного рева,
Давлю его, тесню его гортань
И череп сокрушу о корень древа.
Притек безумец из среды врагов,
На полк живого Бога рек хуленья:
Но тот, который от свирепых львов
Не раз являл мне дивное спасенье,
Предаст мне гордость Хамовых сынов;
С Израиля сниму я поношенья.
Стяжал твой раб медведицу и льва:
Строптивый будет, как от них единый!
Не он ли буйные подъял слова
На Бога, пестуна моей судьбины?
В защите господя моя глава:

Еврейские безмолвные князья
К устам его склоняются главою;
Умолк и ждет. "Отважна речь твоя! -
Саул промолвил. - Но господь с тобою!
Иди! смиренный, преклоняюсь я
Пред волею всевышнего святою".
И повелел рабам, и принесли
Меч, медный шлем и медную кольчугу,
И юношу в оружие облекли. ..
. . .И не вступал Давид с князьями в речь:
Безмолвствуя, цветущий ратоборец
Съял бремя меди с необычных плеч,
Блях хитростную связь, цепей и колец;
Вручил рабам и шлем, и щит, и меч
И снова пастырский взложил тоболоц;
В него пять гладких камней погрузил,
Избранных им со тщаньем у потока,
И се почиет, полн надежд и сил;
И в тихом сердце не страшится рока.
Еще же мирный блеск ночных светил
Не померкал пред пламенем востока,
Не процвели зарей вершины скал,
Когда с одра, бестрепетный душою,
Боец для битвы роковой восстал
И господя усердною мольбою,
Молитвой сердца чистого взыскал;
Снабдил же пращу новой тетивою...

. . .Один, в темнице, узник безнадежный,
Воздвигся я и начал песнь сию,
Усладу сердца в горести безбрежной;
О радость! ныне оживлен пою:
Давида я поведал упованья,
И что ж? мои смягчились страданья!

Кто скажет, где те струны мне обрести,
Которые б восторг мой прозвучали?
Ко мне ль домчалась от родимых весть?
Меж нами не пространство темной дали?
С Днепра их гласы долетят ко мне;
Летите, гласы! жду вас на Двине!

Бывало, с ужасом несутся думы
В суровую и мразную страну,
Несутся в край изгнания угрюмый.
"В пустыне буду вянуть и засну,
Исчезну, как мгновенный блеск зарницы,
Никто не посетит моей гробницы!"-

Так я вещал в убийственной тоске,
Вещал; но царь ко мне приник с престола:

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Царево сердце в божией руке -
Уж тает от владычного глагола
Седая мгла моих печальных туч:
Сияет из-за них надежды луч!

Сияй, не погасай, о луч прекрасный!
Меня для жизни новой воззови,
Для жизни тихой, сладостной и ясной,
Для новой жизни мира и любви!
С младенчества я окружен был мраком;
Но счастья не хочу назвать призраком.

Пусть отлетит губитель сердца - страх!
Желаю верить в счастье земное:
Или оно не в радостных трудах,
В восторгах чистых, в дружбе и покое?
Есть счастье... рано ль? поздно ли? оно
И мне, быть может, будет же дано!

Не так ли после полудневной бури
Небес вечерних улыбнется свод?
Смеется лик безоблачной лазури,
Трепещет и блестит равнина вод,
Цветы подьются в юдоли злачной,
Сверкает на древах жемчуг прозрачный?

Но ты, о Боже! слабого прости:
Сколь часто я под бременем страданья,
Не постигая твоего пути,
И унывал, и воздвигал стенанья,
И, трепетен, в тебе искал отца!
И ты, отец! ты миловал слепца!

Да помню же под игом испытаний,
Когда пошлешь и новые борьбы,
Да не забуду всех твоих даяний!
Благ, вечно благ закон твоей Судьбы.
О! просвети мои слепые вежды
Любви сияньем, Веры и Надежды!

V КНИГА "ГОЛИАФ"

Сыны земли прикованы к мгновенью,
Для смертных темен и грядущий час;
Но ангелов таинственному зренью
Является сокрытое для нас:
Они свидетели времен рожденью,
Веков-младенцев слышат слабый глас;
Сидят, приемлют их из колыбели,
Качают и над спящими поют.
События под рукой духов созрели,

Судеб святую нить они прядут;
Всевышний возглаголил - полетели,
Вселенной, что предвидели, несут!
Спадет ли с человека в зев могилы
От праха взятый, временный покров? -
Тогда дремавшие проснутся силы,
Растает мгла тяжелых облаков,
Душа расширит радужные крылы
Над бездной лет, над почью миров.
И пленники глухих пещер геенны
Предвидят образ будущей судьбы,
Но образ их паденьем искаженный;
Вотще их знание! буйные рабы
Подъемят брань на промысл неизменный,
На грозный рок безумная борьба.

Есть в аде беспредельная пучина:
Стоит над нею недвижимый мрак,
Клокочут там огонь, смола и тина;
Туда повергся дерзостный Знак,
Туда поверглось племя исполина,
С лугов нечестия пожатый злак.
Пред шумным Голиафовым паденьем
Был слышен долгий, долгий, дикий вой
Над безобразным яростным волненьем,
Над пламенным лицом пучины той:
"Восплачь, тягчимой скорбью и мученьем
Знак! погибнет внук последний твой".
И се из бездн пылающего мрака
Воздвиглась богоборная глава
Огромного, ужасного Знака.
"До звезд вздымались мощные древа;
Но бытия их не найдут и знака,
Их след поглотит жадная трава;
Над кедром сверженным восстали трости,
Главой кивая, легкие, звучат.
Моих потомков крепостные кости
В глубоких, темных пропастях лежат.
Придет час: из стран далеких гости,
Которых бледный воспитал Закат,
Изроют их; и что ж? полны сомненья,
Сраженные страшливой слепотой,
Бессильные, ничтожные творенья
На остовы воздвигнут взор тупой,
Пройдут и не признают поколенья
Сынов великих матери младой!
Гонитель чад моих, ты, рок свирепый,
Тебе ли покорюсь без бою я:
Не полночь ли? отдвигнуты заклепы;
Над миром, ад! простерлась тьма твоя;
Душа покинет страшные вертепы,
Изыдет из геенны тень моя".
Воспрянул - и пучина воскипела:

О дно упершись, подняли чело
Все узники плачевного предела;
Страшилище к исходу потекло, -
От стоп его геенна зазвенела,
Вослед завывало адово жерло.
Лежал, обремененный сном свинцовым,
Знака правнук, грозный филистим
(Он был румянцем покровен багровым,
Зловещим был видением томим);
С челом, объятым тьмой, с лицом суровым,
Ишлец из гроба, предок стал над ним.
"Дрожи, - вещал, - потомок злополучный!
Погибелен тебе грядущий день.
Заутра битв раздастся голос звучный. ..
О сын мой! душу в глухоту одень
Или падешь, подобно жертве тучной,
Падешь - и в ад твоя низыдет тень"...
..."Отец! - вещает Голиаф печальный. -
Знай, не изыду я до утра в бой;
Поныне слышу голос погребальный,
Которому я внял во тьме ночной:
Знак (не я ль его потомок дальний?)
Предстал мне, проклял день сей роковой".
- "О нас ли, смертных, в небе лучезарном,
О нас ли кто радеет в царстве тьмы? -
Фуд молвил по молчанию коварном. -
Мой сын! творцы судьбины нашей - мы!
Что пользы в идоле неблагодарном?
Кого спасли дубравы, капища, холмы?
Мечтанья, сны, предчувствия ничтожны:
Творцы их - чрево, кровь, сердечный жар.
Полночный призрак, суетный и ложный, -
Души отягощенной дым и пар.
Грядущего предвестья невозможны.
Не счастлив ли последний твой удар?
А ты тогда не презрел ли виденья?
И в час благий: погибнул Галаад!
Какие ныне поздние сомненья
Тебя, бойца бесстрашного, страшат?
Тебе ли, сильный, ведать спасенья?
Верь, ты и днесь прославишь свой булат!
К тому же Хус восстал с одра недуга;
Он всем твоим завидует делам;
Отказ твой будет гордому услуга,
Он полетит к израильским шатрам. ..
Внемли словам заботливого друга:
Стяжи вернейшую победу сам!
И вот и Галаад, тобой убитый,
Сам пал за вольность родины своей,
Не вверил темному своей защиты
(Я мню: ты не забыл его речей):
Врагов избранник муж не знаменитый,
Боец, не искушенный средь мечей".

библиотека на <http://www.christianart.ru>
И се, вещаньем старца распаленный,
По-прежнему мечтами обуян,
По-прежнему свирепый и надменный,
Течет к шатрам Саула великан.
Иди на гибель, хульник дерзновенный!
Насытится твоею плотью вран!
С крутых холмов, с утесов возвышенных,
Глаголам хитрым Фудовым внемля,
Воздвиглись сонмы сил иноплеменных;
Под их стопамп вздрогнула земля:
Но близок час могиле обреченных;
Их примет гроб, пожрет и червь, и тля.
Сидели по склонению забрала
Ряды еврейских доблестных вождей.
Вся рать единоборства ожидала;
Легло молчанье на уста мужей,
И каждая тяжеле грудь дышала,
И каждый был боязни полн еврей.
Со скал спустились филистимы тьмами,
Сошли с утесов шумные бойцы,
Полмесяцем восстали над холмами.
По их следам явились пришлецы
С обремененными серебром руками -
На куплю пленных тирские купцы;
Рекли: "На кораблях быстротекущих
В страну чужую, в землю Хеттиим,
Прелестных дев и юношей цветущих,
Мы их в Египет, в Ливию умчим;
Рабами будут эллинов могущих,
Арабам, эламита^б продадим".
Но посмеялся Бог их помышленью:
Кровавая постигнет их корысть;
Строптивые прострутся в жертву тленью.
"В сей день нечестью длань свою изгрызть,
В сей день погибнуть злобе и киченью:
Их ад поглотит!" - рек господь, - и бысть!
С надеждой твердой, с верою горящей,
С безоблачным, сияющим челом,
С душою чистой, над землей парящей,
Приосеняем божиим крылом,
Грядет Давид, вооруженный пращей,
Вооруженный пастырским жезлом.
На отрока взирает воин каждый.
"Взгляните! - мужи говорят мужам. -
Боец, как он, является однажды;
| Красы подобной не видать векам!"
Полны все очи одинакой жажды,
Он дорог всем израильским сердцам.
Но царь вещал: "Евреев предводитель!
Поведай мне, кто юноши отец?"
Сын Ниров отвечал: "Живи, властитель!
Но нет! не знаю, кем рожден боец".
Сокрыл от них Давида вседержитель:

Не познан был в воителе певец.
А Голиаф, вздымаясь как бойница,
С презрением на противника воззрел:
"Кто ты? - он рек, - дитя или девица?
От матери ли ты бежать успел?
Но не лозу несет моя десница:
Птенец безумный! дерзок ты и смел.
Ты не надейся от меня пощады,
Нет! вкусишь жало моего копья!
Не ты ли защищаешь ваши грады?
Бойца евреев пощажу ли я?
Под странничьей ногою гибнут гады:
Тебя ли не поперет нога моя?
Но как в душе не ощущать смущенья?
Не смертная ли надо мной гроза?
Так, мнится, я погибнул без спасенья!
Очам ли верить? Ад и небеса!
Его оружие - палица, камня!
Ужели ты исшел противу пса?"
- "Нет! ты и пса презреннее и злее!" -
Ответствует язычнику Давид.
Немая ярость вспыхнула в злодее,
Лицо чернеет, дикий взор горит:
Столь гибельно в питомце блата, змее,
Подъявшемся на ошиб, яд шипит.
"Чтоб пали на тебя, - вопил, - все кары!
Чтоб ты в мученьях медленных издох!
Да устремит в тебя Дагон удары!
Да сокрушит ничтожного Молох
В объятьях рдяных, пламенный и ярый!⁷
Гряди: услышу твой стнящий вздох!
Прикрыт не будешь погребеньем честным:
Так, если мой булатный меч не туп,
По темным дебрям, по степям безвестным
Разброшу твой лишенный вида труп;
Зверям земным и птицам поднебесным
На снесь извергнешься, одетый в струп!
В песках пустыни грозной и плачевной,
В жилище гладных львов и смрадных змей,
Тебя рассыплет в пепел луч полдневный:
Не соберут друзья твоих костей.
Тебя ли от моей десницы гневной
Укроет Бог Иаковлих детей?"
Ответ же был воителя младого:
"В железо ты и медь закован весь,
Ты щит несешь, висит с бедра крутого
Блестящий меч; без них стою я здесь;
Но знай: стою во имя пресвятого,
Которого уничижил ты днесь!
Хранит всевышний наше ополченье:
Он ныне руку укрепит мою,
Тебя предаст мне в смерть и посрамленье;
Тебя, иноплеменник! убью,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Волкам и вранам брошу на съеденье,
Сниму строптивую главу твою!
Внемли: степным гиенам пир устрою,
Орлы пресытятся от ваших тел:
Падут! твои друзья падут с тобою!
Дрожите, варвары, ваш час приспел!"
И мир речет, испуганный молвою:
"Не от мечей спасенье, не от стрел.
Но всемогущ евреев защититель,
Иаков, преткновенье гордых ног,
В Иуде есть владыка и спаситель,
Покров Израиля господь и Бог!
Их Бог велик: он злобных сокрушитель!
И кто ему противустать возмог?"
Исчадые вод, и вихрей, и тумана,
Сгущенный в воздухе кипящий ключ,
Несется столп над бездной океана;
Главой касается громовых туч;
Над ним тяжелым мраком твердь заткана.
Средь тьмы суровой умер дневный луч.
Грядет, шагает, страшный и высокий,
Перунов, ужаса и смерти полн;
Падет, изрыгнет шумные потоки
В отверстый зев ревущих, ярых воли:
Молися, мореходец одинокий!
Дрожи, дрожи: погибнет утлый челн!
Ему подобен, шумный и огромной,
Для зренья гора, не человек,
Повит грозой, сверкающей и темной,
К бойцу младому Голиаф потек:
Объял сердца евреев трепет томной,
Их лица в бледность мертвую облек.
Спешит Давид к неистовому внуку
Энаковых огромных, шумных чад;
За камнем опустил в тоболец руку,
Взвил пращу и, подавшись назад,
Метнул... Свистящему внимают звуку;
Дол застонал, стенанью вторит ад:
Пал Голиаф! Прах помрачил равнину.
Могущей, быстрой окрылен рукой,
Под шлем вонзился камень исполину.
Но укрепился витязь молодой:
Метнул, еще, - и молвил: "Не покину!"
И враг лежит недвижимый и немой.
Тогда Давид, исполнен силы новой,
К нему стремится жизнь его пресечь:
Уж не восстанет исполин суровой!
С его бедра Давид отторгнул меч,
Занесся над главой его багровой,
Взмахнул и отделил главу от плеч.
В тот миг земля почула содроганье,
Издав глухие гласы мира свод,
Послышалось как бури завыванье,

Как жалоба пустынных, диких вод:
О сыне то Энаково рыданье;
Стонает исполинов древний род.
Побед Давида славное начало
На громоносных, радостных крилах
В страны, в века, в языки прозвучало;
Живет из рода в род во всех устах;
И не оно ль тогда пред ним сияло,
Когда воспел он на золотых струнах:
"Злодея зрел я; яко кедр Ливана,
Он, гордый, воздвигался до небес,
Челом разрезывал валы тумана
И осенял и холм, и дол, и лес,
И руки простирал до океана;
Но мимо я протек, и се - исчез!"⁹
Праги же, сражены борца паденьем,
Не верят долго собственным очам,
Взирают, скованы оцепененьем,
Но вдруг возникли вопли по холмам:
Все свеялися, будто дуновеньем,
Все вверилися трепетным ногам.
Слух, душу оглушал побег мятежный
Дрожащих, бледных Хамовых сынов;
Подобилось равнине вод безбрежной,
Где вал ударит о хребет валов,
Взревет и распадется пылью снежной,
Смятенье их испуганных полков.
Исчезло всякое меж них различье,
Все ужасом одним увлечены;
Не так ли нападение лисичье
Услышится среди темной тишины -
Воскрикнет, вострепещет стадо птичье
И разлетится врознь во все страны?
Потряс Израиль шумные знамена,
Иуда грозную хоругвь развил;
Вослед врагам вопили все колена,
Весь сонм еврейских браноносных сил.
Летят: коней их покрывает пена;
Прах от копыт сиянье дня затмил.
Мечи, свистя, исторглись из влагалищ,
В хребет бегущих тучи стрел визжат,
Раздался копий стук и звон чингалищ,
Теснину полнит рокотом булат.
Проснулись враны среди своих виталищ,
Взвились, небо крыльями мрачат.
Здесь всадников убитых топчут кони,
Там с мертвыми живой повергся ниц:
Бесстрашный гибнет в тщетной обороне
От ослепленных ужасом убийц;
Повсюду брошены щиты и брони,
Повсюду груды сбруй и колесниц.
Как в веяньи падут из плевел зерны,
Как крупный град падет от облаков,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Так падают враги в поток подгорный;
Не в холм ли обратился каждый ров?
От крови их поля и доли черны,
Одето трупами лицо лугов.
Саул зовет, зовет по колесницу,
Нетерпеливый в быструю воссесть,
Нагнать бегущих бледную станицу,
Разлить кровавую меж ними месть.
Давид же рек, прияв главу в десницу:
"Царю да будет торжество и честь!"
Идет; увидел очи властелина -
И в прах повергся, и глагол подъял:
"Будь счастлива вовек твоя судьбина!
Чтобы подобно каждый враг твой пал!
И се, я обезглавил исполина".
- "Чей сын ты, юноша?" - Саул вещал.

Д а в и д

Твой раб последний в чадах Иессея.
Тогда незапно слепоты покров
Упал с очей венчанного еврея;
Он молвил: "Сладостных певец стихов!
Не ты ли, звуками небес владея,
Сражал смущающих меня духов?"
Но в оный час с Давидовой душою
Душа царева сына сопряглась;
Любовью чистой, твердой, роковою
Их души сочетались в оный час...
[В]! Не любовью ли такую
Связали наши ангелы и нас?
Увы, мой брат! навеки ли разлука?
Или уж не узрю твоих очей?

Уж не услышу сладостного звука
Мне снами вторимых твоих речей?
Почто не одному мне скорбь и мука?
Почто участник ты судьбы моей?
Без друга сирю сердце во вселенной,
Без друга мир одеян хладной тьмой;
Не дорог дар, никем не разделенный;
Не в дружбе ли блаженство и покой?
И что сравнится с радостью священной
Души любимцу жертвовать собой? .. .

VI КНИГА "НАВЕТОВ"

Пронесся испытания и плена
Суровый, памятный для сердца год.
Пред господом я преклоню колена:
Пред ним, как ток ревущих, многих вод,

Как листвия, падающие с дубравы,
Проходит век за веком, род и род;
Пред ним языки, лета и державы
Бегут, как прах от путниковых ног,
На них взирает из жилища славы
Объятый неприступным светом Бог!
Но промысла, судеб его священных
Постичь никто из смертных не возмог:
Не слушает желаний дерзновенных,
Слепым не внемлет благостный мольбам;
На голос вздохов тихих и смиренных
Он в самом зле готовит благо нам:
Не сбудутся надежды и мечтанья,
Но радость дастся страждущим сердцам.

Боязни полн, исполнен ожиданья,
Тебя, год новый! вижу пред собой:
Скажи, мои свершатся ль упованья?
Созреет ли растущий подвиг мой,
Мой труд, который мыслями лелею,
Который грею любящей душой?

Разгадывать грядущее не смею:
Со скал срывает кедров и дубы,
Сорвет, быть может, и мою лилею
Полет всеокрушающей судьбы!
Быть может, скоро я в гробнице жадной
До воскрешающей засну трубы;
И вновь наступит год; но ветер хладный
Промчится бурный над моим холмом;
С креста воскрикнет ворон плотоядный,
Слетит; восстанет снег густым столпом,
Взыграет, шумен, и мою могилу
Завеет белым, воющим крылом.
Что будет - будет: но доколе силу,
Доколе жизнь дарует мне творец
И взор подымаю к дневному светилу,
Да буду благости его певец!
Бессмертен боле самого поэта
Рукой поэта сорванный венец!

Была пустыня сумраком одета,
Саул дремал в кругу мужей своих;
А ненавистник истины и света,
Внимателен, и молчалив, и тих,
Как ястреб, плаватель страны воздушной,
С громовой тучи взор простер на них,
Простер и с высоты спустился душной;
Повел рукой, и призрак стад возник,
И следует за ним, ему послушный.
И человеческий приемлет лик,
Оделся в образ Сирина лукавый.
Явился старец в демоне - Доик,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Доик, жилец бессолнечной дубравы,
Суровый мсков Сауловых пастух,
Муж, для кого и скорбь, и смерть забавы:
Для гласа жалобы и нем, и глух,
Пролитье крови зверский Сириин любит,
В груди его бесчеловечный дух.
Исшлец из ада в рог пастуший трубит,
Равнину оглашает дикий гул...
Не пробуждайся! он тебя погубит:
Спи крепким сном, несчастливый Саул!
Но зов в седой степи завыл трикраты;
Саул чело подьемлет и вздохнул;
Воспрянул, хладным ужасом объятый:
"Кто ты? почто тревожишь сон царев?
Ответствуй, скрылись ли где сопостаты?
Ужели мало их карал мой гнев!"
- "Доика ли не познаешь, властитель? -
Вещал, на жертву скорбную возрев,
Убийца душ, коварный искуситель. -
Опасны... нет! не чуждые враги,
Но некто, хлеба твоего делитель,
Сопровождающий твои шаги:
Его могущим перевозносят всюду,
От рук его главу твою бреги!
И я ль его помазанье забуду?
Помазан втайне дерзостным жрецом,
Уже он обольстить успел Иуду,
Он уловил отеческий твой дом;
Колеблются Рахилины колена...
Мне молвить ли? с возвышенным челом
Восстанет вскоре явная измена,-
Или я не слыхал: "Не царь, нет, он
Исраиль спас от пагубы и плена".
Властитель, стадо соберу в загон;
Я пастырь: предлагать советы мне ли?
Безмолвье мне положенный закон".
Умолк. Саула члены цепенели,
Рука, дрожа, хваталась за кинжал,
Ланиты мрачным багрецом горели,
Огнем перуна грозный взор сверкал.
Но занялось мерцание рассвета -
Лукавый из очей его пропал.
Заутра глас веселого привета,
И струн бряцанье, и кимвалов звон;
Юдоль пред градом тканями одета,
Народ стекается со всех сторон:
В руках их веют ветви древ душистых,
Воителей встречает Гаваон.
На крыльях ветра, мощных и гласистых,
Летит безбрежный, благозвучный крик,
И с гор цветущих и долин лесистых
Дух песней громкий, радостный возник;
Под сению небес златых и ясных

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Предстал очам Саула стройный лик;
На песнь еврейских дочерей сладкогласных
Властитель чад Иаковлих приник.

"Лес и горы, торжествуйте!
Смейтесь, доли и холмы!
Села и града, ликуйте!
Мощь Саула славим мы:
Мощь царя, владыки сила
Тысячи врагов сразила,
А рука Давида тьмы!" -

Так сонм воспел и жен и дев прекрасных,
Скакал и громко ударял в тимпан;
Им вторил звучный строй цевниц согласных,
Меж тем унылый, тягостный туман
Подернул взоры правнука Рахили;
Он в дом вступает, гневом обуян.
"Какою славой отрока почтили!-
Воскликнул, в думы скорби погружен. -
Мне тысячи, ему же тьмы дарили:
Он гордость всех израильских знамен;
Недостает счастливцу только мало,
И был бы он на царство вознесен!"
Вдруг исступленье на царя напало,
В чертоге начал, дикий, прорицать,
Его наитье духа колебало;
Взываньям охраняющая рать
Вняла: рекли Давиду без медленья,
Давид спешит цельбу ему подать.
Но все глас святого вдохновенья
Воздвигся со златых, могущих струн:
Не ныне им уступит Дух Затмения!
Изгнанный из Саула много лун,
Скитался много лун в глухой пустыне,
Но прилетел быстрее, чем перун
И семерых привел с собою ныне;
Узрели: наметен и убран дом,
И в дом вступили в радостной гордыне.
Сидел страдалец с яростным челом,
Копье вращала гневная десница,
В нем добрый ангел спал глубоким сном.
Звучит псалтирь, небесная певица,
В тяжелой, полной страха тишине.
Но вдруг вскочил безумный кровопийца,
Вопил: "Давида поражу к стене!"-
И копие метнул в певца младого,
Но уклонился юноша к стране.
Повергся после покушенья злого
На ложе обессиленный злодей.
Был скорбен образ витязя святого,
Печален взор божественных очей:
Он сетовал о недуге царевом,

Он сетовал о немощи своей...

...Огонь издали темные дома.

Близ твердокаменных палат Саула

Воитель мчался под завесой тьмы.

Чья ж сладостная песнь тогда вздохнула

Нежнее, чем вздохнул бы соловей,

Чем под зефиром арфа бы шепнула?

Сокрыт наметом сумрачных ветвей,

Близ твердокаменных палат Саула

Давид остановил своих мужей.

"С девой, мучимой любовью,

С дочерью грозного царя,

С безутешною Меровию,

Померкай, темней, заря!

Я вняла из уст властителя:

"Соблуди мои слова:

Будешь даром победителя:

Свята мне твоя глава.

Тот получит дочь любимую,

Кто Израиль защитит,

Кто спасет страну родимую,

Кто злодея поразит!"

Я узрела победителя,

Я воспела в сонме дев

Гор отчизны избавителя;

Но возник в Сауле гнев.

Он мне молвил, негодующий:

"Дочь, Давид нам изменил;

Ясен будь твой взор тоскующий,

Знай, жених твой Адриил".

С той поры тоска мятежная

День и ночь кипит во мне,

Борет скорбь меня безбрежная,

Я рыдаю в самом сне.

С безутешною Меровию,

С дочерью грозного царя,

С девой, мучимой любовью,

Померкай, темней, заря!"

Она умолкла и, подобно тени,

Подобно легким, предрассветным снам,

Толпе ночных, таинственных видений,

Сокрылася. Но кто ж иная там

Сошла с вершины сумрачной бойницы,

В раздумье ходит по седым стенам?

Подобно играм и лучам зарницы,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Лиующимся по тверди голубой,
Струя огня вослед ее десницы
Стремится по псалтири золотой;
Подъялся голос сладостной певички,
Напитанный любовью и тоской:

"Мрачный, дикий, одинокий,
Мой властительный отец
Скорбью был гнетом жестокой;
Но молодой и светлоокой
Вдруг предстал ему певец.

Был нежнее отрок юный
Нежных дев моей страны;
Грянул в радостные струны -
Сладкозвучные перуны
С каждой вспыхнули струны.

С ним на крыльях денницы
Божий ангел возлетел,
Духа тьмы с его десницы
Одождил огонь зарницы,
Звучный дождь блестящих стрел.

Голос мощный, вдохновенный
Исцелил владыку сил;
Но в груди моей смущенной,
Дивной песнью пораженной,
Страстный пламень воспалил.

Был лучом зари отрадной
Блеск прищельцовых очей;
Я пила душою жадной,
Будто мед росы прохладной,
Милый звук его речей.

В брань грядет Саул-властитель;
От врагов исшел боец,
Муж, бесстрашных устрашитель;
Но явился избавитель,-
Кто ж? Смиранный мой певец!

У родимого предела
Мы встречали ратный строй...
Снова я его узрела. . .
Как дрожала я и млела!
Что сбылось с моей душой!

Ах! и ныне в поле брани
С верной ратью он летит:
К небу я воздвигну длани;
Принесу в святыню дани:
Будь над ним господень щит!"

"Слова любви, слова моей Мельхолы! -
Давид воскликнул. - Я ль забуду вас?
Вас, сладкие и нежные глаголы,
Отныне буду слышать в вещей час,
Когда душа в объятых усыпленья
Господних чад небесный ловит глас".
Но Асаил исполнен огорченья:

"Ужель, Давид, и ты познал любовь?
Друг, бойся, трепещи ее прельщенья,
Бороться с нею сердце уготовь:
Увы! любовь лукавый обольстителю,
Любовь и мощных проливала кровь!"
- "Вверяюсь Богу, - отвечал воитель, -
Устроит в благо он судьбу мою:
Не он ли был и есть мой защититель?
Ему свои все чувства предаю!
Господь меня на путь наставит правый:
Господню я десницу воспою!"
Давид потек на поле битв и славы.
Мельхола же в отеческом дому
Отстала от трудов и от забавы;
Стремится думою вослед ему.
Сомкнет ли очи? в пыл и гром сраженья
Летит на помощь к другу своему.
Забыты все девичьи наслажденья:
Не снится ей подруг веселый смех,
В мечтаньях замер гул их песнопенья,
Растаял призрак резвых их утех;
Но слышит вой и видит с содроганьем
Давидов окровавленный доспех.
Томится дева скорбным ожиданьем;
На каждый слух, на каждую молву
Склоняется со страхом и вниманьем.
"Спаситель боже! Я тебя зову:
Прими глагол молитв моих смиренных!
Хранитель, сохрани его главу!"
Из весей и градов иноплеменных
Меж тем за вестью приходит весть:
"Он ободрил евреев утесненных,
Он вновь влиял в ослабших гнев и месть".
И, наконец: "Ему под Аккароном
Судилось славой меч свой превознестъ,
Врагов кровавым поразить уроном
И самому побить двухсот мужей;
Он землю чуждую наполнил стоном
И всю усеял грудями костей".
Гонцы из войска притекли в Гаваю
И подтверждают истину вестей.
"Мельхолу я с Давидом сопрягаю, -
Сказал Саул, - исполню мой обет:
Он зять мой! Да приидет! - я вещаю".

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Давиду царский возвещен привет.
Летит обратно радостный воитель
Стяжать награду браней и побед...
Привел к невесте жениха властитель...
...Шипя, шумело пенное вино.
Казалось, все веселие делили;
Всех сердце радостью оживлено;
Но было сумрачно чело Саула,
И гневом и тоской помрачено:
В нем ненависть к Давиду не уснула,
Нет! к витязю всеобщая любовь
Сильнее в нем свирепый пламень вздула,-
На очи свисла яростная бровь,
Таятся замыслы в груди жестокой,
Бунтует в напряженных жилах кровь.
Вдруг шум возникнул в храмине высокой:
С главы до ног броней покровен,
В чертог вступает витязь светлоокой,
Молвой о браке друга привлечен.
Притек герой из радостного стана,
От торжествующих, родных знамен;
Сияет тихий взор Ионафана,
Своих любезных к сердцу он прижал.
Но вопль "Увы!" сменяет клич "Осанна!"
За ним трепещущий гонец предстал.
"Саул, Анхусом рать твоя разбита,
Погибло много храбрых!" - он вещал.
Другой гонец: "В сетях Аскалонита
В глухую ночь пленен Аминадав,
Твой храбрый сын, Израиля защита".
Был третий вестник бледен и кровав:
"Я зрел, - он рек, - сожженье Вефсамиса!"
Тогда с трапезы, ризы разодрав,
Воспрянул горестный потомок Киса,
И раздался в златом чертоге вой,
И все незапно с шумом поднялися...
...Давид приял евреев ополченье
Из Авенировых ослабших рук.
Сошлись вскоре, - страшное виденье!
Мечи сверкают, вопль, и крик, и стук,
Ярится над потоком Ксуров битва,
И стонет ненасытной смерти лук,
Но господом услышалась молитва
Покрытых пеплом божиих жрецов.
Враги погибли, началась ловитва
Гонимых грозным ангелом полков;
Притек Давид, увенчан славой новой.
И что ж? Ему готовят новый ков:
Терзаем жалом зависти суровой,
В Саула шепотом вливает яд
Сын Ниров, Авенир высокобровый, -
Злодею с смехом рукоплещет ад.
Смирися, ад! Над праведной главою

Щиты хранителей, господних чад.
И се однажды позднею порою
В слезах Давида встретила жена;
Ужасной вестью, вестью роковою
Ее душа, как язвой, сражена:
Саулом жизнь Давида мраку гроба,
Ножу губителей обречена.
"Не долго мы блаженствовали оба,
Не долго упояла нас любовь!
Беги, сокройся! Совершилась злоба:
Излить стремятся праведную кровь;
Готовит грозный царь тебе могилу...
Увы! Все мне поведала Меровь!
Не ты ль избил иноплеменных силу?
И ныне не услышится твой глас!
Ты предан в длань злодею Адриилу...
Беги, Давид! Спасайся! Близок час!
Когда же вознесешься над врагами,
Тогда да не помянешь в гневе нас!"
Давид безмолвный смутными очами,
Казалось, небо вопросить хотел,
Но черными, свинцовыми крылами
Все небо безотрадный мрак одел,
И лишь гроза из края в край летала,
Сверканьем огненных, крылатых стрел
Ночную бездну с треском освещала,
Рокоча, прерывала немоту,
Срывала тьму густого покрывала
И колебала дол и высоту.
Потухнет блеск кровавый и мгновенный-
Все снова погружалось в темноту.
"Супруг, на час со мною сопряженный,
Властитель, жизнь души моей, прости!
Прости: покинутой, уединенной,
Мельхале без Давида не цвести!
Но да не узришься убийц очами:
Уже спешат по темному пути!"
Рекла, и вдруг сверкнули меж древами
Перуны блещущих средь ночи лат,
Смутилось ухо звучными шагами:
Идут убийцы; их мечи стучат!
Оставлен путь к потоку, путь опасный,
Но к граду дом злодеями объят.
В глухую тьму полуночи ненастной
Из черных уст высокого окна
Рукой дрожащей, в горести безгласной,
Любви, страданий, ужаса полна,
Того, кто самой жизни ей дороже,
Вниз свесила по поясу она.
И се из риз Давидовых на ложе
Она Давидов создала призрак;
Недужный, мнилось, на звериной коже
Простерт; кругом его печальный мрак;

Едва мерцает тусклая лампада,
Как бы унылый, гаснущий маяк, -
Далекий вождь, последняя отрада
В свирепом мраке, в роковой глуши
Для тонущей в немую бездну ада,
Боримой смертью, страждущей души!
Мельхола ждет: обманчив вид ложницы...
Но вдруг раздался шум в немой тиши! -
Уже вошли в преддверие убийцы.
Мельхола к ним навстречу потекла,
Претя, к устам прижала перст десницы
И так с подъятьем скорбного чела:
"Друзья и братья, тишину храните,
Давид недугом одержим! - рекла. -
Цареву волю мне вы возвестите,
Ее завтра мужу возвещу".
Саул же повелел: "Ее щадите,
Предайте мужа не при ней мечу;
Я в сердце положил сгубить злодея,
Но окровавить дома не хочу".
Вступает Адриил, недоумея,
В Давидов тьмой одеянный чертог
И зрит больного сына Иессея;
Сразил убийцу слепотою Бог:
Он, мрачным взором храмину измеря,
Рукой одра коснуться не возмог;
Идет, очам обманутым поверя,
И, что видал, Саулу возвестил.
Но тот с неистовством лесного зверя:
"Сюда его несите! - возопил. -
Нет! не избегнет он моей десницы".
И вновь спешит к Давиду Адриил,
Но страх и гнев исполнил грудь убийцы,
Когда, весь изумленьем обуян,
При блеске возникающей денницы
Святой познал Мельхолы он обман.
Из уст его уведал без медленья
Побег Давида трепетный тиран.
Давид же. . . обрету ли выраженья
Для чувств, с какими шумный Гаваон,
Любовь и славу, блеск и наслажденья,
Минувшие, как быстрый, смутный сон,
Все, что ему грядущее сулило,
Чего надеялся, - покинул он?
Все, что ему когда-то было мило,
С чем разлучил его прощальный час,
В нем вдруг воспоминанье воскресило:
Ему отраден был свирепый глас,
Отрадны бури грозные глаголы.
"Иду, - воскликнул, - покидаю вас,
Вас, Веняминовы холмы и доли!
Простите, рощи, шумные древа,
Тенистый вертоград моей Мельхолы!

Мельхола, скорбная моя вдова!
Вчера вливал в твой слух отзыв болтливый,
Давида песнь, любви моей слова;
А ныне я изгнанник несчастливый!
Далеко от очей друзей моих
Увижу чуждые луга и нивы,
Скитаться буду средь степей глухих",
Умолк; древа перуном озарило,
Ударом вихря всколебало их.
И что в душе его происходило,
Когда с холма озрелся он назад,
Когда ночное, бледное светило
Ему в последний раз явило град,
Где и восторг изведаль и страданья,
Град, где обрел эдем и вместе ад!
Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Наводит скорбь чужой страны река,
Душа рыдает от ее журчанья,
И берег уныл, и влага не сладка;
В изгнаннике безмолвном и печальном
Туземцу непостижная тоска.
Он там оставил сердце, в крае дальнем,
Там для него все живо, все цветет;
А здесь - не все ли в крове погребальном,
Не все ли вянет здесь, не все ли мрет?
Суров и горек черствый хлеб изгнанья,
Изгнанник иго тяжкое несет!

Не так ли я?... но прочь воспоминанья!
Почто невозвратимого искать?
Или мне не остались мечтанья?
Вновь воздухом живым могу дышать,
Вновь отдана моим очам Природа,
Вновь солнце может на меня сиять!
На землю вновь с лазоревого свода
Сошла, очарования полна,
Вселенной роскошь, юношество года -
Могущая, прекрасная весна:
Воскреснул мир, любовь свою встречая;
Душа моя, еще раз молодая,
Как будто чем былым упоена,
И, в миг один все раны забывая,
В объятья к ней бросается она!

Красна, велика Божия вселенна...
Увы! единый я несовершен:
Под тяжким я ярмом земного плена;
Расторгну ли когда поносный плен?
Я рвуся из оков страстей и тлена,
Но мною властвуют и прах и тлен;
Что человек? слиянье тьмы и света,
Высоких мыслей и преступных дел:
Любовью к благу грудь моя согрета,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
И грех и заблужденья мой удел;
Проходят дни мои, проходят лета,
Мой влас под зноем бедствий поседел. . .
И что же? тот же я! тружуся годы -
И разрушает день мои труды;
Дыханье быстрой, ярой непогоды
Срывает с древа все мои плоды,
И рвут оплот неистовые воды,
И гаснет свет спасительной звезды!
Души моей, волнуемой и страстной,
Подобье - бледный житель тьмы глухой,
Вовеки безутешный и злосчастный,
Катящий камень на утес крутой:
Не победит Сизиф судьбы всевластной;
Верх близок - ялся за него рукой, -
Вдруг камень вниз из-под руки рокошет,
Сизиф глядит изнеможенный вслед,
Паденью бездна вторит, ад хохочет;
Но он, - он выше и трудов, и бед;
Нет, он покинуть подвига не хочет.
"Сорву же, - говорит, - венец побед!" -
Да будет мне в пример и подкрепленье!
Как он, стократы обновлю борьбу:
Я пал, - но ненавистно мне паденье!
К тебе подъямлю, господи, мольбу:
Будь ты моя защита и спасенье;
Благий, приникни к твоему рабу!
О боже! велики твои даянья:
Ты в душу мне влиял священный жар,
Ты удостоил твоего избранья
Мой немощный и нецветущий дар,
Да возвещу руки твоей деянья,
Смиранные тобой раздор и свар,
По бедствию евреев благоденство
И твой святой и непостижный суд.
Но мне ль стяжать и славу и блаженство,
Когда нечистый буду я сосуд?
Сердце нечистых чуждо совершенство...
Погибнет мой противный Богу труд!
Спаситель мой, прими мои моления:
Что без тебя я? преклонись ко мне!
Утишь, смири души моей волненья!
Речешь - и вмиг улягутся оне:
Изыду из купели возрожденья,
Оставлю скорбь и грех на темном дне
И в слух веков воздвигну песпопенья.

VII КНИГА "ПРОРОКОВ"

...Померкло солнце; в землю положен
Пророк великий, древний сын Эльканы;

Усталый мир в дремоту погружен;
Кругом холма расстлалися туманы;
Но некто, на холме уединен,
Сидит и взор вперяет в мрак пространный.
И се Саулов сын Ионафан,-
Он отгонял злодеев алчных стаю,
Он грани охранял еврейских стран, -
Обратно с ратью мимо тек в Гаваю
И стал, и молвил: "Здесь раскину стан".
И к древнему подходит гаю.
Событий горестных не знает он,
Не знает друга бедственной судьбины;
Спешит обнять Давида в Гаваон;
И видит мужа, полного кручины,
На гробовом холме и слышит стон,
И, быстрый, отделился от дружины.

И о н а ф а н

Кто ты, рыдающий над гробом сим?
Вещай: кого прияла здесь могила?

Д а в и д

Кто я? - Еврей, и скорбен и гоним,
И здесь земля сокрыла Самуила.

Знакомый глас; но нет, ушам своим
Не верит витязь; весть его сразила.
"Итак, - он возопил, - почил пророк,
Муж, горем и летами утружденный!
Был дому моего отца жесток
Его глагол, ужасный и священный,
Но мир ему! Не может же поток
Не воскипеть, водами пресыщенный;
Освободите пламень от оков,
Ему ли не пожрать сухого древа?
Достигнув пышных зрелости годов,
Ужель любви не пожелает дева?
Не может умолчать господних слов
Избранный господом вещатель гнева.
Почту твой прах, пророк, евреев честь!
Благословлю твое воспоминанье:
Чужда души моей вражда и месть.
Мир! Ты исполнил грозное призванье;
И будет имя Самуила цвесть
И в даль веков прострет благоуханье".
Но юноша лицо разоблачил
И пал к ногам испуганного брата.
"Давид я! - он рыдая возгласил. -
И смерть сия мне горькая утрата:
Покров, хранитель мой был Самуил;
Отныне тьмой моя вся жизнь объята.

И в чем я винен пред твоим отцом?
Моей души он ищет". - "Царь жестокий!
Я о тебе скорблю, скорблю о нем! -
Так рек Ионафан голубоокий. -
Но ныне же к нему, к отцу, идем:
Суров, но благ Саул к тебе высокий.
Идем: велик ли подвиг или мал,
Не я ль участник всех его советов?
И я сего бы умысла не знал?
Так страшен плод наушничьих наветов!"
Но тот цареву сыну отвечал:
"Князь, благодать средь всех твоих клеветов
Обрел пред взорами твоими я;
И знает царь и сам в себе глаголит:
"Будь тайною для сына мысль моя;
Узнав, Ионафан меня умолит".
Но жив господь, жива душа твоя:
Идти меня мой брат да не неволит!
До смерти возросла ко мне вражда,
Исполнился до смерти гнев Саула".
Умолк Давид. Ионафан тогда
(Под тяжким гнетом грудь его вздохнула)
Вещал: "Твой брат я, друг везде, всегда.
О! Дабы так меня беда минула,
Как буду от беды тебя хранить!
Готов я сердца твоего желанье,
Готов твое вельенье сотворить, -
Ужель в земле твое все упованье?
Ужели он лишь мог тебя любить?
Нет, с мертвым сим вступлю я в состязанье!"
И был Давидов витязю ответ:
"Пусть не мала моих страданий мера:
Но я тобой воздвигнут и согрет.
Любви твоей подобной нет примера:
Не ты ль в господень ввел меня завет?
К тебе моя не оскудеет вера.
И вот о чем молю: царю рекут,
Что я с тобой, и будет ждать властитель,
И в новолунье всех нас созовут
На трапезу в Саулову обитель.
Все придут, пусть один не буду тут,
Но скроюсь в поле; узрит повелитель,
Вопросит: "Где Давид?" - ты ж отвечай:
"В Эфрафе ныне пир и приношенье;
В Эфрафу мной отпущен", - и внимай,
Саул во благо ль примет извещение?
Или, как чаша, полная чрез край,
Прольет незапно ярость и хуленье?
Усмотришь, он ли злобою объят?
Или ж я в ложный страх вдался, поспешен?
Но, если я, властитель мой и брат,
Но если раб твой пред тобою грешен,
Пусть здесь паду, рукой твоей пожат;

библиотека на <http://www.christianart.ru>
десь буду в смерти смертию утешен!"
- "Господь свидетель, - говорит герой, -
Завтра испытаю властелина:
Услышишь все и сохранишься мной;
Твоя, я знаю, высока судьбина;
Как был с Саулом, ныне Бог с тобой,
И заступил Иуда Веньямина...
...И се тебе я знаменье даю:
По нем узнаешь помыслы Саула
И от крамол спасешь главу свою;
Мне знаменье любовь к тебе вдохнула:
Тебя во рву за градом утаю;
По ястве ж три стрелы возьму из туда,
Изыду, напругу трикраты лук,
Пущу их, отрока пошлю за ними;
Когда услышишь их свистящий звук,
Сопровождаемый словами сими:
"Здесь стрелы, здесь!" - Бог вместо всех порук:
Останься в граде с братьями своими.
Когда же возгласу: "Там стрелы, там!" -
Тогда тебя всевышний отсылает,
Тогда страшись предстать твоим врагам".
Умолк и друга к персям прижимает,
И волю дал исхлынувшим слезам,
Ему Давид слезами ж отвечает.
Потом рука в руке с холма сошли
И, грустные, приблизились к дружине.
Безмолвье было на лице земли,
Был мрак безгласный в дремлющей долине;
Но звезды неизменные текли
В небесной, необъемлемой пучине...
...Несется бурю к мете незримой
В начале поприща могущий конь,
Дым из ноздрей, из-под копыт огонь,
И путь, ногами звонкими разимый,
Стонает, и бодцем его не тронь;
И все гласят: "Он вихрь неукротимый!"
Но срок его крылатой силы мал;
На полдороге пылкий конь устал.
Как он, или же как пловец отважный,
Что, прыгнув в лоно шумных вод морских,
Вперед стремится по равнине влажной
И зыби делит взмахом рук своих,
И берег уже приветствует очами,
Но, утомленный, поглощен волнами, -
Так начал свой тяжелый подвиг я,
Надежды полн, исполнен дерзновенья;
И вот, в середине моего теченья
Больная устает душа моя,
И оскудел источник вдохновенья!
Ты ль от меня, светило всех светил,
Лицо свое, мой боже! отвратил?
Когда впервые мне в стенах темницы

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Давид, любимец господи, предстал
И голос пробудил моеи цевницы, -
Сколь много с той поры я испытал!
Чудесным блеском неземной денницы
В тот час померкший дух мой просиял. ..
Забуть могу ль блаженное мгновенье?
Восторженный с одра воспрянул я
И скорбь, и страх забыл, и заточенье,
И жадно обняла душа моя
Блеснувшее пред нею вдруг виденье!
Давно, казалось, глас свой притая,
В груди моеи святые звуки спали;
Проснулись, наполнили уста
И с сердца свеяли туман печали:
Воскреснули умершие лета,
Из гроба чада древних дней восстали,
Оделась в тело легкая мечта.
Твоя разлука с другом, сын Саула!
Сверкнула первая моим очам:
Не как пустой призрак она мелькнула;
Нет: мнилось, вас обоих вижу сам,
И ваша речь устам моим шепнула,
И сострадал я страждущим друзьям!
Трикраты с той поры лицо земное
И блекло и цвело; судилось мне
Петь ныне их прощание святое!
Обрел ли я в душевной глубине
Жар прежний, умиление бывое
И дал ли жизнь ослабнувшей струне?

И се вступает в первый день луны
Ионафан в отцовскую обитель.
К трапезе приступил Саул властитель
И с ним князья и храбрые сыны.
Спустился грозный, мрачный повелитель,
Безмолвный, на престол свой близ стены;
Махмасского героя упреждая,
Воссел при властелине Авенир.
Невесела трапеза их немая,
Но каждый гость средь многолюдства сир.
Вещает царь, притекших озирая:
"Не прибыл Иессея сын на пир".
Смолчал в то время: "Ради очищенья,
Быть может, ныне не притек, - шепнул, -
Заутра жду его!" - и пламень мщенья
В очах царя свирепого сверкнул.
Сошлись заутра, - полный нетерпенья,
Давида ищет взорами Саул:
Что ж? Место празднo! С гнева цепенея,
Но сердце обуздав, он сыну рек:
"С тобою зрели сына Иессея;
Почто же на трапезу не притек?"
От оных слов, как от дыханья змея,

Ланит царева сына цвет поблек.
"В Эфрафе ныне пир и приношение, -
Вещал он, оживив остаток сил, -
И предо мной Давид поверг моление,
И я его в Эфрафу отпустил".
- "Не сын ты мой, ты блудницы рожденье! -
Так яростный властитель возопил. -
Ему сообщник ты - ужель не знаю?
Не обмануть очей Саула вам;
Да ведаешь, и я тебе вещаю:
Ты мне, и матери своей ты срам!
Не верю: не покинул он Гаваю,
Но в день сей мертв падет к твоим стопам!
Доколе будет жив Давид, дотоле
Не думай, что допущен будешь ты
Воссесть спокойно на моем престоле,
И ты ж, мой сын, в оковах слепоты,
Безумец, о его печешься доле?!
Нет! Не достигнет же своей меты!
Он ныне раб могилы безнадежной,
Теперь же да велишь его привлечь!
Настал конец злодею неизбежный;
Днесь умертвит предателя мой меч!"
- "За что умрет? - так, горестный и нежный,
Ионафан прервал отцову речь. -
Что сотворил?" Но, над собой без власти,
Копье метнул неистовый в него;
Вскочил Ионафан, избег напасти,
Но во второй день месяца сего
Не ел, не пил и сетовал о части,
О скорбной части друга своего.
И ждет Давид, за градом утаенный.
Находит вечер, стал гореть закат;
Ионафан, печалью утесненный,
Безмолвный, с отроком исшел из врат,
Звенящим луком, тулом вооруженный.
Он лук накрепк и упразднил трикрат.
И отрок за стрелами устремился.
"Там стрелы", - князь вослед ему воззвал.
Когда ж подъял их - чтобы возвратился
В Гаваю, властелин рабу вещал,
И се с оружием отрок удалился.
Исшел Давид и ниц пред князем пал,
Ионафан простер к нему объятья
И возрыдал, и, другу повторя
Любви обеты, верности заклатья,
Изгнанника лобзает сын царя.
Скорбели долго и расстались братья,
И тьмой пожралась бледная заря.

КНИГА "ПРИШЕЛЬСТВИЯ"

Суровый, но и нежный воспитатель,
Отец всевышний, милосердый Бог,
Души хранитель, сердца испытатель,
Очей светило, вождь ослабших ног -
Нет, он не гневный мститель, не каратель,
Он благ и нам во благо, если строг.
Властитель! и печаль твое даянье;
Надежды полн, вверяюся судьбе:
Хвала тебе! Ты мне послал страданье,
Да вновь меня усыновишь себе;
Меня вспомнишь, - я твое создание,
И мне ли днесь отчаяться в тебе?
Как часто я тонул в бездонном море,
Не обретал спасения нигде;
Звезды искал в померкнувшем обзоре;
Но мрак глубокий распростерт везде;
Ты ж зрел меня и рек: "Исчезни, горе!"
И: "Воссияй!" - велел моей звезде.
И ныне так, я твердо уповаю!
И ныне я из бездны бед и зол
К тебе, благому, не вотще взываю;
Ты преклоняешь слух на мой глагол,
Ты скорбью душу приближаешь к раю;
Рассадник неба слез и скорби дол,
О близкий! внял ты моему стенанью:
Едва вздохнул я, трепетен, уныл, -
И ты уже благодворящей дланью
И сенью миротворных, дивных крыл
Покрыл меня и воспятил терзанью, -
И зной моих тяжелых дум остыл.
Проходят дни: Саул Давида ищет,
За ним из града в град, из веси в весь,
Как гладный волк за быстрой ланью, рыщет.
"Нет, не спасусь, когда пребуду здесь:
За мною смерть, как вихрь пустынный, свищет;
В страну чужую удалюся днесь!" -
Так наконец изгнанник утомленный
В своем промолвил сердце и потек
В край, солнцем неродимым освещенный,
Росимый влагой неродимых рек,
В ту землю, где Аминадав плененный
Отчизну, мнилось, позабыл навек.
У ног Далиды юный сын Саула
Не помнит Бога праотцев своих;
Средь игр и нег душа его заснула,
И, жизни уподобясь стран чужих,
Вся жизнь героя в роскоши тонула,
И сердца глас в груди его затих.
Пришельцам всем Анхусов дом высокой
Незагражденный, радостный приют:

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Из всех земель, из близкой, из далекой,
К нему послы и странники текут;
Верблюды, кони кроют путь широкий,
С утра до ночи гости в Геф идут.
Когда же песнопевец вдохновенный
Приступит, лиры властелин, к вратам,
Покинет царь престол свой возвышенный,
Восстав, спешит к нему навстречу сам:
"Благословен приход твой, муж священный!
Мы жаждем внять твоим злагим устам..."
Так говорит и собственной рукою
Ковры и ризы стелет для певца
И нудит утомленного к покою;
И се главу и ноги пришлеца
Омоет дева светлую водою,
Младая дочь носителя венца.
И гостем был Анхуса честь Эллады,
Седой Гомер, божественный певец,
Который проходил вселенной грады;
Но не обрел пристанища слепец,
От рока в жизни не обрел пощады
Грядущих бардов дивный образец.
Был пир в доме Анхуса, и внимали
Медоточивым старцевым устам;
И пел он, как Патрокл и Гектор пали
И как, склонясь к Ахилловым ногам
И в беспредельной возрыдав печали,
Молил о теле Гектора Приам.
Он пел, - и не было очей бесслезных:
Влиялась жалость в перси нежных жен,
Объяла горесть души дев любезных,
Тоскою пылкий юноша пленен,
И воздохнула грудь мужей железных,
И хладный старец скорбью поражен.
И все еще ловили глас небесный.
Но звук замолкнул ионийских струн,
Иной раздался сладостный, чудесный,
И некто входит, и могущ, и юн;
Одеян в рубище пришлец безвестный,
Но в повелительных очах - перун.
"Воссядь! Кто ты, не вопрошаю, странник, -
Ему Анхус вещает, - гостем будь.
Дагон свидетель, может здесь изгнанник,
Здесь жертва рока может отдохнуть;
Анхус богов странноприимных данник:
В приют надежный ввел тебя твой путь.
Тебя золотые струны возвестили
Любимцем неба, радостным певцом;
Но не желаю тягостных усилий:
Ты истощен и зноем и трудом,
И глад и жажда сил тебя лишили;
Благоуханным укрепись вином.
Когда ж от яств, прохлады и покоя

библиотека на <http://www.christianart.ru>
В воскресшем сердце дух твой оживет,
Тогда, на бурный лад псалтирь настроя
Или ж устами проливая мед,
Прославь, сын песней, чад мечей и боя,
Прославь их грозный над землей полет;
Или да возвестит святая лира
Заботы пахарей и пастухов,
Веселье земледельческого пира
По сборе златом блещущих снопов,
Да возвестит плоды и счастье мира -
И мы почтим в тебе посла богов".
Тогда пришлец владыке поклонился,
Псалтирь поставил молча ко стене
И на ковер разостланный спустился.
Но будто муж, испуганный во сне,
Аминадав, узнав его, смутился,
Вздыхнул и вспомнил о родной стране.
Окончен пир; сосуд неоцененный
Подъял Анхус и говорит певцам:
"Ты с ним померься, старец вдохновенный!
Сосуд сей победителю я дам,
Златую цепь получит побежденный:
Влекусь сердцем внять обоим вам".
Услышали певцы царя воззванье
И в сладостный, душе отрадный бой
Воздвиглися; простерлося молчанье:
Не так ли пред живительной грозой
Объемлется усталое созданье
Предузнающей грома тишиной?
Гомеру подал звучную цевницу
Самосский отрок, слабый вождь слепца;
Пришлец к псалтири сам простер десницу.
Излив в ланиты каждого певца
Румянца светозарную денницу,
Огонь исполнил вещие сердца;
Сын Мелеса, восторгом упоенный,
Так начал гимн, отчизне посвященный:

"Прославлю людей и бессмертных отраду,
Любимицу неба, святую Элладу;
Эллада богатства и славы полна;
В отечестве жен, красотой цветущих,
И мудрых судей и героев могущих,
В Элладе бессмертная дышит весна.
Там кони морей, крутобокие челны,
Из пристаней реются в шумные волны;
На север и юг, на восток и закат,
Гонимые ветром, живые спешат;
И вот - с золотыми дарами чужбины
Обратно прорезали лоно пучины.
У прага же светлых и тихих домов
Владыки сидят на престолах высоких,
Приветно приемлют гостей и послов

И судят Ахеи сынов чернооких.
Труды и заботы, веселье и торг
Граждан оживляют на стогнах обширных;
На игрищах радостных, шумных и мирных
Всех зрителей души объемлет восторг.
Но в сладкой тиши теремов безмятежных
Вращает питомиц Афина прилежных
И учит их ткани прелестные ткать,
И муз к ним приводит и важных и нежных,
И с ними возносит бесстрашную рать,
Сразившую праведной, грозной волною
Надменную хищницу, древнюю Трою".

Умолк; но каждый слух еще ловил
Харитой окрыленные глаголы;
Казалось, их очам слепец явил
Холмы Тайгета и Темпеи доли,
Счастливый край, где сладок блеск светил,
Где живо все, где даже камень голый,
С него ж ярится дикий водопад, -
Приют священный резвых ореад.
"Опасен с старцем бой, молодой пришелец!" -
Промолвил с хитрою улыбкой Фуд,
Высоких аскалонских стен владелец;
Но без ответа тот исшел на суд:

1

"Псалтирь, Господень дар, приемлю!
Да помяну святую землю,
Ее же избрал Бог богов,
Тебя, страну моих отцов!
Холмы Эфрафы, бор Эрмона,
Поток священный, Иордан, -
Вы мне предмет и слез и стона:
Среди чужих блуждаю стран!
О! если вас когда забуду,
Пусть господом отвержен буду!
Единый день в его стране
Отраднее и слаще мне
И тысячи вдали от Бога;
Так, приметусь в его дому,
Себе ж в обитель не возьму
Златого грешников чертога.
Пусть Манассия нищ и сир,
И Рувим бедный пастырь стада,
И пахарь скудных нив Асир;
Но Бог веселье и отрада,
И свет и крепость их сердец.

2

Бессмертный рек: "Я их отец;

Иуда и Ефрем мне чада!"
Чудесен, вечен твой закон,
И злато что пред ним, о Боже?
Он камня честного дороже,
Душе же меда слаще он.
Лета и веки пред тобою
Ничтожны, как вчерашний день,
И с стражею равны ночью,
Растут и тают, будто тень.
И ты не славных, не надменных,
Не крепких силою владык,
Нет, слабый ты избрал язык,
Сынов Израиля смиренных.
Вефиль, Силом ты возлюбил
И брег утесистый Кедрона,
И рощи тихие Сарона,
И в лес одеянный Кармил.
Внемли, внемли мне, Боже Сил!
О если их когда забуду,
Тобою пусть отвержен буду!" -

Так пел пришелец. Что ж сбылось с душой,
С твоей душой, Аминадав могущий?
Незапною объялся ты тоской:
Ты, мнилось, видишь вновь луга и кущи,
Холмы и доли, рощу над рекой,
Где некогда, веселый и цветущий
И чуждый упоения страстей,
Ты возрастал, краса родных полей.
Чело склонил ты; на тебя Далида
Взглянула, и, дрожаща и бледна,
Тогда ж свой жребий узнает она;
Но вот раздался голос Меонида:

1

"Тот блажен, кто муз и Феба,
Кто харит избранный жрец:
Тайны мира, тайны неба,
Тайны мыслей и сердец,
Ход светил и мрак Эреба
Зрит восторженный певец.

2

Он в небесные пределы
Выше счастья и судеб
Разделить с богами хлеб
В дом Кронида входит смелый.
"Гостю чашу, Ганимед!" -
Зевс вещал; забвенья бед,
Чашу, полную отрады,
Гость испил из рук Паллады.

3

Но если от кого при самой колыбели
Киприда отвратила взор,
О ком Афина, Феб и Гермес не радели,
Ни сладостных камен собор,-
Тот раб земных страстей: свирепой жаждой злата
В нем сердце буйное горит;
Темна его душа, суровым хладом сжата,
Он хульник Зевса и харит.
Не так ли, Этною лесистою тягчимый,
Скрежещет лютый Энкалад?
Из уст исходит смерть, огонь неугасимый:
Но что противу неба - ад?"

И древнего певца соперник юный
Ударил снова в ропщущие струны:

1

"Блажен, кто на грешный не ходит совет,
Блажен на пути нечестивца не ждущий;
Речет ли ему угнетатель могущий:
"Воссядь между нами", - ответ его: "Нет".

2

Закону господню покорный во всем,
Во всем житии благодатном и строгом,
Закону Израиля, данному Богом,
Он учится ночью, учится днем.

3

И мощному древу при зеркале вод
Подобится: красным одетое цветом
То древо, могущим согретое летом,
Приносит румяный и сладостный плод.

4

И лист его, вечно и зелен и млад,
С ветвей не сорвется дыханием бури;
Но роскошью блещет при свете лазури,
В сени его веет живительный хлад.

5

Не так, нечестивые! злые, не так!
Как трость, от удара падут рокового,
Как прах, от лица возметутся земного,
Как духом пустыни исторженный знак.

6

Не вступят вовеки в священный собор,
В то сонмище, где восседают святые,
Не вступят туда нечестивцы и злые,
И мира не узрит лукавого взор.

7

Так! правого путь с непостижных небес
Блюдет милосердый и дивный хранитель;
Но Бог повелел - и погибнул губитель,
Вещал всемогущий - строптивый исчез".

Что наш восторг, что наше вдохновенье,
Когда не озарит их горний свет?
Безумца сон, слепое упоенье,
Движенья трупа, в коем жизни нет!
К глухим вознес кумирам песнопенье
Объятый мраком сладостный поэт:

"Сколько земля над полями Эреба,
Столько лазурь лучезарного неба
Выше обители смертных - земли;
Так и богов Кронион превосходит!
Брови могущий на очи низводит -
Крылья затмения свет облекли.
Гневный потрянет чернокудрой главою -
Ад, небеса и земля задрожат;
Ужасом царь преисполни объят -
Бледные души толпа за толпою
В воющий Стикс погрузиться спешат.
Гера жена и сестра Крониона:
Власть над аэром царице дана;
В ночь же немую приемлет она
Зевса на пух белоснежного лона.
Хитростный сын ее, властель огня,
Стрелы кует громовержцу Крониду,
Стрелы, казнящие грех и обиду.
О Посейдон! ты создатель коня;
Ты укрощаешь ревущие волны,
Алчные ты ж созываешь на брань;
Яростным им вожделенная дань
Легкие, ветром гонимые челны.
Тучную маслину ты нам дала,
Дщерь и любимица Дия, Паллада!
Светлая дева, ты мудрых ограда,
Ты ненавистница мрака и зла.
В сердце вонзится без боли стрела
Феба, мужей бытие расторгая,
Жен - Артемиды стрела роковая:
Феб-Аполлон, Артемида святая,

Дети прекрасной Латоны, - хвала!
Вас, молчаливые, хладные тени,
Гермес влечет в Элизийские сени,
Тихий, таинственным махом жезла.
Слава, хвала вам, бессмертные боги!
Я ж бесприютный и дряхлый слепец:
Были ко мне при рождении строги
Керы² и Крон, олимпийцев отец;
Вы же, всезрящие сестры, камни,
Благословили мою колыбель.
Ночью по небу драконы Селены
Мчатся; но Панову слышу свирелы
В сердце лиется тогда упоенье,
Волю даю вдохновенным устам;
Фебу и вам, о камни, хваленье!
Гимн я воспел жизнедавцам богам!"

Мгновение молчал еврей; но струны
Перебирал восторженной рукой;
Сверкали взоры, быстрые перуны,
Чело покрылось блеском и грозой,
Лицо же рдело, облак златорунный,-
И вдруг глаголы хлынули рекой:

1

"Ведет Господь из уз и заточения³
Возлюбленный, избранный свой народ:
Узрело море, полное смятения, -
Побегла вспять равнина шумных вод,
Река разверзлась, ризою затмения
Оделся неба лучезарный свод,
Гора взыграла, как овен могущий,
А холм, как агнец, к матери текущий. ..

2

Река и море, страхом потрясенные!
Поведайте: почто побегли вы?
Промолвьтесь, холмы, горы возвышенные,
Почто колеблете свои главы?
И вы почто, утесы дерзновенные,
С корней отторгшись, сверглися во рвы?
Земля содроглась от лица господня;
Трепещет пред бессмертным преисподня.

3

Речет всеильный - и скалы бесплодные
Растают в сладостный, живой поток,
И превратится степь в озера водные:
Велик господь; он паче мер высок:
Он ваш хранитель, сырые, безродные!

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Ему подвластен запад и восток,
Но мы его стяжанье и держава:
Не нам, не нам - ему, благому, слава!

4

Умолкните ж, языки нечестивые!
Умолкните и не вещайте нам:
"Где Бог ваш?" - ведайте, сердца строптивные:
Господь наш Бог повсюду, здесь и там;
И степь седая, и луга счастливые,
И небо, и земля - его же храм;
Всесилен он и благ и во мгновенье
Возможет рушить и создать творенье.

5

А ваши боги, ваши изваяния, -
Сребро ли, золото, мрамор или бук,
Ничтожные и бранные создания,
Не дело ли бессильных, смертных рук?
Что ваши сны, мечты и прорицания?
Виденья ваши что? - Кимвала звук!
Уста кумиров немые, и их очи
Покрывают мраком безрассветной ночи.

6

У них есть уши: вашим же молениям
Не могут внять; и руки есть у них:
Когда ж простерли руку к приношениям,
К дарам неистовых жрецов своих?
И вы, вы молитесь своим творениям!
Пред ними тщетный глас ваш не затих!
Увы! язык отверженный и злобный,
Ты глух и слеп, богам твоим подобный!"

Еще пришлец не кончил, а чертог
Содрогся сонма воющего гневом
И застонал от топота их ног;
Толпа безумцев возопила с ревом:
"Велик Дагон, хранитель нам и бог!
Его ли ты нарек бездушным деревом?"
И Месраин уже булат извлек,
И возжигает хитрый Фуд злодея;
Но царь Анхус подъялся вдруг и рек:
"Не в мире, в битвах поражай еврея! -
Тебя ж узнал я, смелый человек:
Певец и воин, сын ты Иессея.
Но не страшись: ты под моим крылом,
И да падут неистовых десницы!
Чист будет мой гостеприимный дом:
Здесь не прольется кровь рукой убийцы".

Пред грозным мощного царя челом,
Трепеща, вспять подались кровопийцы.
Так лютый волк, на стадо тучных крав
Ненасытимым, яростным наскоком
Из лона бора мрачного напав,
Вдруг видит пастыря пугливым оком,
И стал, и вспять побег, вострепетав,
И скрылся в лесе темном и глубоком.
А старец, уstraшенный той порой,
Незамечаемый и без награды,
Ушел, ведом самосским сиротой,
Великий, злополучный сын Эллады.
И с лирою и нищенской клюкой
Вновь начал проходить вселенной грады.
Ему подобно звучный соловей
В прохладной неге внемлющей дубравы
Поет под сению густых ветвей;
Кругом его благоухают травы;
Улегся ветер; с долов и полей
Восходит пар; жуют, возлегши, кравы:
Но вдруг, разноглаголен, шумен, дик,
Подъялся в стае вранов глас раздора;
Меж ними за добычу свар возник;
Взвились, туча черная для взора,
Помчались, бьются; на их буйный крик,
Дрожа, подъялся соловей из бора.
Узнали филистимы, кто пришлец,
И с смешанным со страхом удивленьем
Был ими озираем тот боец,
Который славен стал их пораженьем,
Давид, злодеев ужас, рай сердец
Небесным, чудотворным песнопеньем.
Из них иные с шепотом рекли:
"Не сей ли Голиафа победитель?"
Не жены ль в сретенье ему текли
И пели: "Тем врагов ты истребитель,
Саул же тысяч!" Царь он их земли;
Он, не Саул, евреев повелитель",
Но за руку Давида властелин
Увел поспешно в терем сокровенный.
Не смеет за Анхусом ни один
Туда проникнуть, им не приглашенный:
Таков в дому царевом строгий чин,
Закон, издревле в Гефе утвержденный...
...И гость тогда владыке возвестил
Саула гнев, и месть, и подозренья,
И как едва Давида не сразил;
Поведал лютого царя гоненья
И как Ионафан от Бога Сил
Был дан Давиду в ангела спасенья.
"Свидетель Бог мне! - так Давид вещал. -
Вовеки не коснусь главы священной
Того, его же сам господь избрал,

Главы, святым елеем омовенной,
И злобы я вовеки не питал
В душе, вражды и мести отчужденной.
Двукраты предавал руке моей
Лукавый беззащитного Саула
И мне шептал: "Срази! Он твой злодей".
Но чаша искушения минула,
И жадных, адских я избег сетей,
И на убийство мысль не посягнула.
Скитался я среди глухих степей,
Ко мне пристал Йоав и с ним дружина,
Изгнанники, четыреста мужей,
Потом, страшася гнева властелина,
И дряхлый мой родитель Иессей,
И род мой весь. Но сын Вениямина
Из дола в горы, из пустыни в лес
Меня преследовал, неутомимый;
Сойду ль в пещеру, взыду ль на утес -
За мною он: неистовым гонимый,
Я только дивной благостью небес
Избег руки его неумолимой...
...И было то в пустыне Энгадди,
И горсть моя с алчбы и жажды млела,
И вот евреи, царь сам впереди,
Подьялись с филистимского предела.
"Властитель, в дебрь Энгаддскую гряди:
Там враг твой; ныне смерть его приспела",-
Рекли льстецы Саулу. В оный час
Он взял три тысячи мужей избранных
И стал искать в Энгаддской дебри нас;
Но Бог, хранитель сирых, щит избранных,
Бог нас не раз спасал и в день сей спас,
И всех в вертепах утаил пространных.
Что ж? в тот из сих вертепов, где я сам
Сокрылся, тьмой прохладной окруженный,
Саул, рассеяв ратных по скалам,
Пришел один и, зноем утомленный,
Воссел и тылом обратился к нам,
И рек мне некто воин дерзновенный:
"Не день ли тот желанный ты узрел,
В который твоего злодея долю
Господь предать твоей руке хотел?
И ныне я, Давид, тебе глаголю:
Воздвигнись и да будешь бодр и смел!
Не на твою ли враг повержен волю?"
Но, приступив, отрезал я мечом
Воскрилье риз незрящего Саула;
Во мне зажглося сердце, как огнем,
От ужаса душа моя дрогнула,
И сострадал я и скорбел о нем,
И грудь моя подъялась и вздохнула. ...
...И се Саул пошел к своим мужам,
И я, покинув темную обитель,

Потек поспешно по его следам
И глас возвысил: "Царь мой и властитель!"
Сраженный зовом, обратился к нам,
Душой смутись, озрелся повелитель!
И поклоняся до земли царю:
"Почто, владыка, слушаешь неправых?
Почто словам их веришь? - говорю. -
Глаголы ведаю их уст лукавых;
Вещают, я против тебя горю
Свирепой жаждой помыслов кровавых.
Да узришь ныне сам: в пещере той -
Там был я; где же ты обрел убийцу? -
Я молвил. - Я ль, объятый слепотой,
Простру на божия Христа десницу!
Сам Бог его над нашею страной
В правителя поставил и в возницу.
И се воскрилье риз твоих мечом
Отрезал я, а ты, о царь, не видел!
Уразумей же о рабе твоём,
Что всеу ты Давида ненавидел"...
...Из бездны сердца властель возрыдал.
"Увы! Мои дела неправы были;
А ты, страдалец, праведен, - вещал, -
Ты мне воздал за злобу мздой спасенья.
Мог умертвить меня и пощадил:
Блажен тот, кто врага без оскорбленья,
Лишенного защиты, отпустил!
И ныне воссылаю я моленья,
Да наградит тебя владыка Сил!"...
...В пустыне Зиф блуждал я, и пришли
От стад в Гаваю пастыри Зифеи.
"Давида зрели мы, - они рекли, -
С ним многие могущие евреи
И среди нашей кроются земли".
И воскресили гнев царя злодеи.
Восстал Саул и с ним, как прежде, рать.
И снова, ярой лютостью палимый,
Он устремился в степь меня искать,
Убийством дышащий, неумолимый;
И снова должен от него бежать
Я в дебрь из дебри, в дол с холма
теснимый.
Однажды (ночь была, и на холме
Саул усталый в лоне колесницы
Заснул, и в общей и глубокой тьме
Расслабли всех друзей его десницы,
И страха не было ни в чьем уме,
И всех сомкнулись томные зеницы)
Узнал я и к клеветам возгласил:
"И кто из вас, покрытый мглой ночью,
Со мною вступит в стан царевых сил?"
И рек Авесса: "Я гряду с тобою".
Оружие схватил и поспешил

библиотека на <http://www.christianart.ru>
На мрачный Эхелафский холм за мною.
Пришли мы: в колеснице царь лежал.
И у возглавия копьё стояло,
Копьё, пред коим филистим дрожал
И воинство Амона трепетало.
Кровавый, тусклый месяц освещал
Огромное сверкающее жало.
Вблизи же спал беспечный Авенир,
И до единого все стражи спали.
И мнилось, окрест их покой и мир,
Им не грозят ни страхи, ни печали.
Мы видим, беззащитен царь и сир,
И, приступив, над колесницей стали.
Авесса рек мне: "Час настал, властитель:
Ужель еще увидит сей зарю?
Злодея предал нам небесный мститель:
В него ударю и не повторю
Его ж копьём: не он ли наш гонитель?"
- "Не убивай его, - был мой ответ, -
Пред Богом грех царево убиенье.
Сыны Саруины, вы мне в навет,
В укор вы мне, в соблазн и в искушенье.
Знай! Буде на войне десницы нет,
Избранной на Саулово паденье,
И буде не постигнется судьбой;
Жив Бог! Я воздержу и руку вашу,
И не погибнет он моей рукой.
Днесь с копием возьмем златую чашу,
Что у возглавья налита водой,
И возвратимся вспять в дружину нашу".
С холма мы сходим: всюду тишина;
Никто не слышал нашего прихода,
Никто не встрянет с прерванного сна,
Услышав шорох нашего исхода;
Их усыпил господь: глядит луна
На лица неподвижного народа.
И мы взошли на темя высоты,
От стана властелина удаленной,
И стали средь прозрачной темноты,
И так воззвал я, свыше укрепленный:
"Меня ли слышишь, беззаботный, ты?
Ответствуй, спишь ли, Авенир надменный?"
И Авенир отвечал и рек:
"Чей зов восстал, из мрака вопиющий?
Вещай, кто ты, отважный человек?"
- "Вождь, об руку властителя грядущий!
Тебя, - я молвил, - в славу царь облек:
Кто муж, как ты, в Израиле могущий?
Почто же господина своего
Не охраняешь? Ночию губитель
Проник до самого одра его.
Сын смерти ты (свидетель вседержитель!),
Ты сам и каждый сонма твоего

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Небрежный, сну предавшийся воитель.
Зри: копие и чашу кто отъял,
Что при возглавии царевом были?"
И ветер до царя мой глас домчал.
"Давид, мой сын! - Саул глаголил. - Ты ли?"
- "Твой раб Давид, - ему я отвечал, -
Но се твои дружины степь покрыли,
И средь пустынь следишь меня ты вновь,
Подобен в алчности ночному врану,
Удара, царь, мне ныне не готовь:
Саул, противиться тебе не стану,
Но Бог увидит пролитую кровь. ..
...Отселе сына Киса я не зрел:
Он возвратился в гордую Гаваю,
А я потек, властитель, в твой удел.
Во мне к нему нет злобы, но страдаю
Живее, чем от ядовитых стрел,
Лишь падших за меня воспоминаю.
Увы! Их много... всех же паче вы
Смущаете Давидовы виденья,
Когда иных беспечные главы
Объемлет сон в часы успокоенья,
Жрецы господни, жители Номвы,
Вы, триста жертв ужасного сгубленья!
По смерти Самуила от лица
Моих врагов с дружиной братии малой
Однажды в дом маститого жреца
Авимелеха я прибег усталый;⁶
Приял меня с любовью отца
Мирских событий ведец запоздалый:
Не знал он, ни его клеветов лик
Моей судьбины; хлебом и дарами
Меня снабдили; но в их град проник,
Воспоен не евреянки слезами,
Жестокосердый муж, пастух Доик,
Прославленный кровавыми делами;
Сей зрел меня. Сидел Саул потом
На холмной высоте близ Рамы-града,
Копье в деснице, на главе шелом;
Двудесноручные Рахили чада
Стояли вооруженные кругом;
Меж них Доик, пастух царева стада. . .
. . .И се из сонма их исшел злодей,
Доик свирепый, Сирии злочестивый.
"В Номве приял Давида иерей
Авимелех мятежный и строптивый,
И хлебом одарил его мужей,
И прорекал Давиду путь счастливый".
Так он вещал, и царь послал в Номву:
Авимелех, маститый сын Ахита,
По первому явился в Раму зву
И триста и четыре с ним левита,
В эфуд одетых. Преклонив главу,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
"Что повелишь, Израиля защита?" -
Священник спросил. "Лукавый жрец!
Ты совещался с сыном Иессея:
Коварство ваших ведаю сердец;
Эльканы сына, моего злодея
Питомцы вы; вы жезл мой и венец
Хотите дать деснице Иудея!" -
В ответ властитель. "Царь, почто твой гнев? -
Была к Саулу речь Авимелеха. -
Или Давид не друг, не зять царев?
Твоей души отрада и утеха
Святыми песнями, в войне же лев,
Раб верный, муж победы и успеха?
О нем я вопрошал отца судеб,
Но много раз и ныне не впервые;
И меч ему я дал, и рати хлеб.
Жрецы мы мирные, умы простые:
Что дали, дали для твоих потреб.
Да посрамятся злых языки злые!"
- "Ты смертью умрешь, - Саул вещал, -
И твоего отца весь дом с тобою.
Избейте сих жрецов! - он глас подал. -
Горят с Давидом общею враждою
Против меня". Но ни один кинжал
Ничьею не был обнажен рукою.
Тогда Саул рассвирепел, узрев
Сопротивленья всех мужей-евреев,
И рек: "Вспомните мой царский гнев!
Восстань, Доик, побей жрецов-злодеев!"
И Сирии, будто тигр, подъявший рев,
Ударил в безоружных иереев;
И в оный день проклятого рукой
Злосчастных триста и четыре пало
Жрецов, одеянных в эфуд святой,
Но было трупов их Саулу мало:
Он жен и чад их предал на убой,
И пламя стены их домов пожрало.
Погибли все: и слабая жена,
И отрок, свежую красой цветущий,
И с женихом невеста сражена,
И мать, и первенец ее сосущий,
И пастырю, и стаду смерть одна,
И старец пал, и пал с ним муж могущий.
Вдруг на заре я увидал пожар
В степи далеко от Номвы священной,
И что ж? Ко мне прибег Авиафар,
Ахитов внук, единственный спасенный,
Не древний муж, - но тяжек был удар, -
С главой чрез ночь прибег он посребренной.

И ныне что я молвлю о себе
И как поведаю свои страданья,
Анхус, гостеприимный царь, тебе?

И ныне средь полночного молчанья
Рыдаю о постигшей их судьбе,
И их погибель зрят мои мечтанья!
Но бесконечно Бог, господь мой, благ:
Когда меня безжалостный родитель
Преследовал, мой кровожадный враг,
Когда, пустынь немых и знойных житель,
Скитался изнурен я, гладен, наг,
Тогда являлся сын, мой утешитель.
И в день тот я, бессилен и уныл,
Растерзанной стеньящею душою,
Уже и в вере к господу остыл,
Но взор воздвигнул: брат мой предо мною,
Припал, меня лобзаньями покрыл
И долго плакал над моей главою.
Тогда в последний раз его я зрел, -
Его любил я - Бог-всевидец знает!
И что ж! Погибнет он от ваших стрел,
Погибнет вскоре - сердце мне вещает..."
И се Давид от скорби онемел,
И руку царь страдальцову сжимает.

Без радости перебираю вас,
Глухие струны! робкая десница
Боится пробудить ваш вещий глас;
Моя псалтирь унылая вдовица;
Душа моя печальна, как темница:
Упал ее светильник и погас!
Когда на быстрых крыльях вображенья,
Бывало, забывая тяжкий плен,
Несуся я из гроба заточенья,
Из мрачных, душных, безответных стен,
Как мотылек, подобье воскресенья,
Из разрешенных жизнью пелен, -
Тогда Надежда и Любовь и Вера
Мне в близкой сердцу моему дали
Являли светлый образ Исандера;
Не раз они с улыбкой мне рекли:
"Всему - и радостям и скорбям мера;
Тягчайшие страданья уж прошли.
Настанет день, счастливый день свиданья:
Твоим услышишь песням приговор;
Оценит друг души твоей созданья..."
И за хребтом Кавказских, грозных гор
Я увлекаюсь бурей мечтанья
И слышу глас его и вижу взор!
Ах! и в часы, когда в земное счастье
Страшливым сердцем верить устаю,
Я друга помнил нежное участие,
Крепился и сносил судьбу свою:
"Пусть разнесет мой хладный прах ненастье!
Он память сохранит мою".
Так я вещал; но он, увы! руками

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Убийц свирепых пораженный, пал!
Не возмутились зверскими сердцами,
Не пощадил груди певца кинжал;
Он пал! - а я отвержен небесами:
Каратель и в слезах мне отказал!
В слезах бесплодных, бедных! - Боже, Боже! -
Я жизнь готов бы их купить;
Но холоден, окаменел... Почто же
Мне доле клятву бытия влачить?
Почто не я простерт на смертном ложе
И что еще велишь мне пережить?
О, жажду, жажду с ним соединенья!
Приял в Эдем свой милосердый Бог,
Приял его в небесные селенья!
От тщетных битв устал я, от боренья,
Завяло сердце, дух мой изнемог.
В житейских бурях ты был мне хранитель,
Мой Исандер! и ныне, возлетев
В надзвездную, незримую обитель,
Молися за меня: смягчится гнев,
Помянет и меня мой искупитель;
Мы свидимся под сенью райских древ!
Тогда кора растает ледяная
И с обновленного меня спадет,
В слезах желанных, сладких утопая,
К тебе направлю радостный полет,
Обнимемся - и песнь моя святая
В живых восторгах Бога воспоет!

IX КНИГА "ПУСТЫНИ ХАНААНСКОЙ"

Другое лето жил в чужой стране
Вифлеемит и с ним сыны изгнанья,
Его клеветы в мире и войне,
Участники и счастья и страданья:
Им были дни те, как в тяжелом сне
Недужному несвязные метанья.
И дал Анхус Давидовым друзьям
Высокий Секелаг, питомцы ж брани,
Стремясь к Амаликовым сынам,
Степные часто пролетали грани
И были страшны древним тем врагам,
Карали их и собирали дани. . .
...Но се, когда Сауловой судьбой
Чревоболело время роковое,
И покрывалось небо тяжкой тьмой,
И ждало в грозном и немом покое,
Да разразится гибельной грозой,-
Не спало провидение святое;
Давид хранился ангелом своим
Исраилю в цельбу и в утешенье.
Возникла брань, и, скорбию тягчим,

Такое Богу он принес моление:
"Да внимлет Бог богов мольбам моим,
Меня да не введет во искушение!
Был я бездомен, страха полн, уныл,
В горах скитальца, беглеца в пустыне,
Анхус меня с клеветами прикрыл,
Меня утешил; с дня того поныне
Не во властителя, в отца мне был,
О мне труждался, как о кровном сыне,
Но се свирепую сзывает рать
Моей отчизны враг неукротимый,
Анхус спешит Израиль воевать,
И в день сей мне вещают филистимы:
"Восстань, иди за хлеб наш нам воздать!"
Что сотворю, их воплями теснимый?"
Тогда боязнь к Давиду Бог вселил
В сердца князей градов иноплеменных,
И совещались воеводы сил.
И Фуд царю предстал от уstraшенных:
"Да устранишь Давида, - возгласил, -
И с ним его клеветов дерзновенных,
Да не исходят с нами на войну!
Не от пришельца ли нам ждaть навета,
Когда течем карать его ж страну?
Она ему при колыбели пета,
В ней встретил жизни сладкую весну,
В ней протекли его золaтые лета.
С Саулом примирится, и (дрожи!)
С ним примирится нашими глaвами.
Полны сердца людские тайн и лжи;
Друзей страшися наравне с врагами;
Пусть ныне друг тебе Давид, - скажи,
Или обманут не был ты друзьями?
Его евреи любят: в кущах их
Глас, наше поражение поющих
И торжество Давида, - не зaтих;
Он их надежда, он их царь грядущий;
Речет - покинув жен и чад своих,
Сбегутся все на зов его могущий.
А мужи те, что делят хлеб его,
Что с ним исшли в чужбину и в изгнaнье,
Не пощадят под небом ничего,
С весельем примут гибель и страданье,
Но в блеск и славу облекут того,
Кто гордость их, и честь, и упованье.
Многоречивы старцы искони:
Да буду же в сей день, Анхус державный,
И я многоречив, как все они,
Тебе напомним, властель, подвиг славный,
В Эфрафе подвиг совершен во дни
Битв наших в оной области дубравной:
Мы град заяли; а Давид засел
В твердыне крепкой с братьями своими,

Но там от солнечных изныли стрел,
Палящих, расточаемых над ними;
Томились жаждой, лишь один светлел
Источник под забралами седыми.
И рек тогда Давид мужам своим:
"Кто, други, напоит меня водою
Из хладного ручья, который зрим?"
Вдруг со скалы с орлиной быстротою
Их трое ринулось; стремимся к ним,
Грозим им вопиющею толпою...
Вотще! Три мужа расторгают всех:
Не видят тучи стрел, ни копий леса,
Боязнь себе вменяют в срам и грех,-
К источнику, назад и уж с утеса
Взирают и подъявляют нас на смех!
Властитель, таковы сыны Фареса.
Но муж и вождь их, он вещал: "Друзья!
Клянуся, недостойными устами
Священной влаги не коснуся я,
Приобретенной вашими душами;
Пить вашу кровь - не мне: вода сия
Пред господом да возлиется нами!"-
Такого мужа, грозного в войне,
Подъятого из праха дивным роком,
Героя и вождя в своей весне,
Нам страшного в волнении жестоком,
Опасного и в мирной тишине,
Не наблюдал я неусыпным оком!
И раз еще владыке и царю
От сонма всех князей соединенных
Желанье всех скажу и повторю:
Нет, не зови пришельцев дерзновенных
На брань с евреями, на нашу прю
С хоругвями врагов, им соплеменных!"
Тогда: "Давид, да идешь в Секелаг,-
Анхус вещал. - Поныне и сначала
Ты предо мною был и будешь благ;
Но зависть сердце сильных обуяла,
Князья рекли: "Не сей ли был нам враг?" -
И робкая душа их встрепетала.
Мой сын, не преходи ж за нашу грань;
Но будь Анхуса жен и чад хранитель,
Над домом нашим да расширишь длань-
И не дерзнет к нам вторгнуться грабитель,
Без нас в отчизне не возжжется брань
И не восстанет буйный возмутитель.
Друг, не вдавайся в мысли: жив господь!
Как ангел божий благ ты предо мною;
Но страха сих вождей не побороть!
Шатания умов их не спокою;
Пусть я - душа, но воеводы - плоть:
Что предприму без них и что устрою?"
Так Бог, властитель чувств, и дум, и сил,

От укоризны, и греха, и скверны
Смиренного Давида сохранил;
Но в тот же день непостижимый терны
В терзающий венец Давиду свил,
Да будет до конца испытан верный.
Он возвращался в Секелаг, в свой дом,
С дружиною, ведомою Йоавом:
Вдруг им с обезображенным челом,
Покрытый пеплом, в рубище кровавом,
Предстал, конем измученным несом,
Давида раб, трепещущий Соавом.
"В пустыню обратися! - раб гласит. -
Теки, спеши настигнуть Амалика;
Твой град сожжен, наместник твой убит,
Уведены от мала до велика
Младенцы, жены. . . Поспеси, Давид!"
Смутился вождь от рокового крика,
Но други окрылили бурный шаг,
Приходят, видят: где их были кровы,
Где на холмах вздымался Секелаг
В венце роскошном сумрачной дубровы,
Лишь уголь, и пепл, и прах оставил враг,
И смрадный дым, и взрытые основы.
И се послышался великий глас.
Воссев на землю, воины рыдали:
"Господь наш Бог забыл в чужбине нас!"
Сражая перси, плача воззывали,
Доколе вопль в устах их не погас,
Избытком залит гнева и печали.
Вдруг от земли воспрянул Ровоам,
Неистовый потомок Симеона,
Ужасный в гнев не одним врагам,
Не знающий святыни, ни закона,
И возопил к рыдающим мужам:
"Бог женам дал оружие слез и стона;
Мы ж станем мстить, и первому - ему! --
Вещал и перст, исполнен дерзновенья,
Простер к Давиду, к князю своему. -
Его на Амалика нападенья,
Его безумия вина всему;
Но в день сей воздадут за нас каменья!"
И люди, от страданий обуяв,
Каменья уж исторгнуть наклонились;
Но Асаил, Авесса и Йоав,
Как львы, на Ровоама устремились:
Он пал и смерть приял, заскрежетав;
Другие же содроглись и смирились.
И се Давид Авиафару рек:
"Мы в силах ли ударить за врагами?
Настигнем ли их, божий человек?
Вспять возвратимся ль с чадами, с женами?"
И сам жреца в святой эфуд облек.
И распростерся жрец пред небесами,

И так поведал, свыше вдохновен:
"Дерзай и узришь стан Амаликита,
Настижен будет хищник и сражен;
Се вижу: рать его тобой побита,
И плен плененных ваших разрешен!
Господь глаголил: "Я твоя защита!"
В тот час Давид избрал шестьсот мужей
И с ними к знойному потек востоку,
Туда, где необъемлемость степей
Безводный океан являет оку,
Ужасный варом пламенных зыбей.
Они пришли к восорскому потоку,
И возвестил Давид двумстам из них:
"Вождя даю вам в доблестном Орее.
Здесь стан храните братиев своих".
А прочим рек: "За мной, друзья, смелее!"
И в волны ринулся морей сухих.
Что шаг, то зной растет и степь мертвее;
С высокой тверди солнце льет пожар,
И солнцеву огню навстречу пышет
С песков пылающих огонь и вар;
Тяжеле конь, тяжеле всадник дышит,
И свод лазури ясен, чист и яр,
И ухо ждет чего-то и не слышит. ..
.. .Деля добычу, ликовали тати,
Вещали о набегах, о войне,
Хвалили шумный мир по щедрой рати
И, утопая в брашнах и вине,
Погибших песней поминали братии.
Вдруг на обзоре малое пятно
Растет, растет, и се уж стало тучей,
И ближе, ближе, грозно и черно,
И впереди несется прах летучий,
И миг еще - пятно превращено
В полк всадников крылатый и могучий.
Вотще созвать рассеянных коней
От пира вспрянули амаликиты;
Уже в их сонм врубается еврей,
Злодеям нет спасенья, нет защиты:
Те пали жатвой мстительных мечей,
Те стоптаны, те камнями побиты;
Едва спаслось четыреста из них,
От гибели унес их бег верблюжий.
Когда же вопль побоища затих,
Когда замолкнул звон и стук оружий,
С каким восторгом жен и чад своих
Тогда лобзали радостные мужи!
И победителей корысть была
Превыше ожидания богата:
Стадам отъятым не было числа,
Все вретича полны серебра и злата;
Прославив бога брани, потекла
Обратно рать, веселием объята.

И вот уже повеял ветерок
От запада незнойный и душистый,
И вот уже прохладен и глубок
Пред ними засинел струей серебристый
Восорский, чистый, как серебро, поток,
И зрят их братья с высоты кремнистой;
Спустились, возгласили им привет.
Но лета нет без гроз, без бури моря,
Без терния цветов шипковых нет;
С начала дней со тьмой о власти споря,
Не одолеет тьмы отрадный свет;
И на земле нет радости без горя.
"Чего? - рекли оставшимся двумстам
Лукавые из исходивших в битву. -
Чего вам? Или вы клеветы нам?
Что? Вы за нас творили здесь молитву!
Жен, детищ ваших возвращаем вам,
Но прочую удержим мы ловитву".
Тут из среды поруганных мужей
Возник предтеча вопля, гневный шепот;
Бледнеет с ярости их вождь Орей:
Миг - и в мятеж преобразится ропот,
И уж десницы рукоять мечей
Хватают, уж раздался стук и топот.
Но разделил враждующих Давид
И к ним простер взывающие длани
И рек: "Ужели Бог вас не страшит?
Его ли вы не помните даяний?
Нет, други! Братья братьям без обид
Отдайте долю от прибытков брани.
Покиньте буйство, ненависть и спесь!
Господь нам дал победу и спасенье,
И вы ли кровных оскорбите днесь?
Они же были в щит нам и хранение
И не по воле пребывали здесь,
Но от меня прияли повеленье".
Бог укрепил Давидовы уста,
Пред ним смирились воины сердцами,
Потухли в них и зависть и вражда,
И разделили взятое с друзьями.
Отныне сей обычай навсегда
Вселился меж еврейскими сынами:
Кто стан хранил или отчизны грань,
Приобретал корыстей бранных долю
С тем наравне, кто исходил на брань:
Зане творит не собственную волю,
Но что укажет воеводы длань,
Муж, посвященный боевому полю.
И в Секелаг обратно притекли
Давид и мужи с бременем стяжаний,
И к старшинам Израильской земли
Послал гонцов и от корыстей дани,
И так гонцы Давидовы рекли:

"Да примете свое из нашей длани,
Вефсурские и рамские князья
И сущие в пределах Вирсавеи,
Вы также - с вами мы одна семья,
Хевронские и номвские евреи,
И вы, изгнанных братиев друзья,
Жильцы высот Кармильских, иудеи!"
И приобрел Давид людей сердца,
Все видят в нем Иакова спасенье,
И возымели все его в отца.
Меж тем судеб Сауловых решенье
Настало; меркнет блеск его венца,
Господь подъялся на его паденье.

1

Возводит взор, подернутый тоской,
На друга друг, предвидящий разлуку;
Вздыхнет, поникнет тяжкой головой
И молча жмет любимцу сердца руку:
Так я гляжу на труд отрадный мой;
При нем я забывал и скорбь и скуку,
Им был от жадной гибели храним;
Но близок час - и я расстанусь с ним.

2

И глас мой излетит ли из забвенья?
И напоит ли, шумен и глубок
И сладостен, иные поколенья
Моих мечтаний, дум моих поток?
Или в бесплодных камнях заточенья
Ему иссякнуть? о, промолвься, рок!
Ответствуй мне, покрытый мраком грозным:
Глагол мой к племенам дойдет ли поздным?

3

И если нет, и ты уж так судил,
Чтобы мой самый след исчез в вселенной...
Да будет! - нет во мне, нет прежних сил;
К земле рукой страданья наклоненный,
Я не расширю дерзновенных крил,
Не воспарю, сияньем покровенный,
Из душных стен, из тягостных оков,
В собор неумирающих певцов!

4

Приму мой жребий из твоей десницы,
Слуга господень, и смирюсь душой;
Не мне роптать: как вихорь, сын денницы,
Влекущий море праха за собой,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Семум, гроза кочующей станницы,-
Так страсти дикие играли мной;
А твой пророк быть должен тверд, как камень,
Величествен, как небо, чист, как пламень.

5

Хвала щедроте Бога! все же был
В отраду мне тот дивный посетитель,
С чьих проливался сладкозвучных крыл
Восторг в мою унылую обитель.
Кто от отчаянья меня укрыл?
Единый он, мой ангел, мой хранитель!
Пусть был лишь обольщенье, лишь обман;
Но с ним душевных я не помнил ран.

6

Когда же есть где юноша счастливый,
В очах кого святой огонь горит,
Кто сердцем чист, смиренный и стыдливый
И девственный, как мой вифлеемит:
Он, избранный судьбою справедливой,
Меня, погибшего, да заменит!
В нем да пошлет Пророка и Поэта
Земле Начальник истины и света!

7

А я? мой темный путь лежит туда,
Где не умножится страданий мера,
Где скорби мира дым и суета!
Там моего увижу Исандера;
Туда, как непостижная звезда,
Усталых манит сладостная вера.
Иду вперед; тяжел мой темный путь;
Нет, не ропщу, но жажду отдохнуть.

Х

КНИГА "ВОЦАРЕНИЯ"

От утра раннего до ночи поздней
С Гельвуйских гор был слышен стук и вой,
Был слышен гул глаголов брани грозной;
О трупах совещалась Смерть с войной,
И Смерть алчбу и жажду утолила
И, утомясь, простерлась на покой.
Увы! Гельвуйя, скорбная могила
Исраильских, белеющих костей!
Не здесь ли пала слава их и сила?
Не здесь ли сонм могущих их князей,
Овнов и пастырей святого стада -

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Был снедью гладных, Хамовых мечей?
И первый ты, средь бранных будь ограда,
Надежда братии, щит против врагов,
Злосчастных ангел, плачущих отрада,
Ты, лучший из Сауловых сынов,
Ты пал, Ионафан, стрелой пронзенный;
Твой дух вознесся в край благих духов.
Но чьею ж славною рукой сраженный
Погибнул витязь, честь страны родной?
Князь, воевода ли иноплеменный
Решил одною смертью грозный бой?
Нет, не похвалится в градах Дагона
Победой скорбной ни один герой!
Не скажет чадам, женам Аскалона,
Ни девам Гефа и пяти градов:
"Я день тот обратил в день слез и стона
Для храбрых Венонииных сынов;
Вождя их я убил". Стрелой безвестной
Пожат воитель, страх чужих полков.
Он пал - и что ж? улыбкою прелестной
Его уста, зардевшись, процвели;
Не смел его коснуться тать бесчестный,
Когда по полю битвы потекли,
Да снимут с тел оружие, ризы, брони
Сыны неверной Хамовой земли;
Так, наступить боялись даже кони
На витязя, - их горний дух страшил:
Одел туманом дивных благовоний
Бойца святое тело Рафаил,
И зрел, вещали, гор Гельвуйских житель,
Как ангел вновь на небо воспарил;
Как возносил в надзвездную обитель
Какую-то таинственную тень,
Сверкал, как пламень, дух-путеводитель,
Сопутник же сиял, как тихий день,
Лиющийся от тверди позлащенной
В немую бора дремлющего сень!
И Хуса Мельхисуя дерзновенный,
В плечах широкий, станом исполин,
Вдруг сорвал с колесницы окрыленной,
И в прах поверглись пред лицом дружин,
И их борьба всех трепетом объяла,
И вторил их стенаньям глас теснин.
Душа в потомке Хама замирала,
Давил Саулов сын его гортань;
Едва короткий меч еще держала
Страдальцова мертвеющая длань;
Погиб воитель, - нет ему спасенья,
Но и еврей не выдет вновь на брань:
Хус в судоргах последнего мученья
Скрежещет и десницу свободил,
И, уж почти лишенный ощущенья,
Герою в сердце жадный нож вонзил;

Персты героя сжались, древеня,
Он, умирая, Хуса задушил.
Что ж? не могли, дивясь и цепеня,
Отъять от выи князя своего
Хамиты руку мощного еврея
И вместе с нею труп сожгли его.
Певцы же долго в песнях воскрешали
Весь ужас состязания того.
Саул, исполнен яростной печали,
Своих сынов падение узрел,
Узрел, как рати колебаться стали,
Затрепетал и молвил: "Здесь предел,
Здесь положен конец моей державы!"
Копье подъял и к смерти полетел.
Когда ж густеть стал мрак седой дубравы
И блеск последний на скалах погас,
Тогда и властелина бой кровавый
Пожал, - он срезан был, как зрелый клас...
...Давид же в Секелаге в оно время
Друзьям корысти бранные делил.
Заря златила скал высоких темя,
Но был еще под кровом ночи бор;
Лежало на душе Давида бремя
Тяжелых дум; с твердыни скорбный взор
Он по пути, одеянному тьмою,
Стремил за цепь седых восточных гор.
"Я ими разделен с землей родною!
Что с нею сбудется?" - печальный рек
И вдруг пришельца видит пред собою:
Обрызган кровью, смутный человек,
Перст на главе, раздранно одеянье,
Он быстрый вопль из уст рабов извлек.
Свирепый странник пал, храня молчанье,
К ногам Давида; но Давид сказал:
"Кто ты? Откуда? Что твое желанье?"
- "С побоища евреев я бежал,
С Гельвуйских гор, костями их убеленных".
Так витязю пришелец отвечал,
И среди сонма воинов смятенных
При сем глаголе роковом возник,
Свидетельство сердец их сокрушенных,
Терзающий и слух и душу крик;
Властитель вспрянул и всплеснул руками
И ризою завесил бледный лик.
Потом вещал дрожащими устами:
"Поведай все нам!" И пришлец гласит:
"Саула рать истреблена врагами,
Ионафан погибнул, царь убит".
- "Ты сам ли зрел Саулово паденье?" -
Удерживая душу, рек Давид.
И муж восстал и начал извещенье:
"Был вечер; нас враги подъялись гнать -
Вдруг я увидел грозное волнение:

На холм единый стала напирать,
Подъемля вой убийственный и дикий,
Анхусова избраннейшая рать.
Их неумолчные послыша крики,
Упорство яростного боя зря,
Я молвил: "Осажден там муж великий;
Не всуе столь неистовая пря!"
И от бегущей я отстал дружины,
Притек на холм и узнаю - царя.
Он, уязвленный, близок был кончины.
Пред ним лежал пронзенный в грудь еврей;
А под холмом, как ярый рев пучины,
Как бешенство бунтующих зыбей,
Так необрезанных полки кипели,
Так рвались на Сауловых друзей.
Уж их последние ряды редели;
Я слышал, царь болезненно вопил:
"Злодеям в руки впасть живому мне ли?"
Взглянул на тело: "Старец Фалиил,
Полвека ты мне верен был и боле;
Но наконец и ты мне изменил!
Не покорился срамной ты неволе,
Освободил тебя твой бодрый меч:
Почто ж меня покинул в страшной доле?
И жизни не хотел моей пресечь?"
Он простонал и покивал главою,
И замерла в устах страдальца речь.
Но вот он тень увидел за собою,
И вспять озрелся, и меня позвал
И молвил: "Лютою объят я тьмою;
Но дух во мне, страдать я не престал:
Убей меня!" Взглянул я: нет надежды,
Не встанет! - и вонзил в него кинжал.
Тогда навек его закрылись вежды.
Я ж царский съял венец с главы его,
И с трупа царские совлек одежды,
И с ними поспешил с холма того;
Всю ночь я шел, и се их повергает
Твой раб к ногам владыки своего!"
Давид, восплавав, ризу раздирает
И трепетный на странника глядит.
"Кто ты? Какого дому?" - вопрошает.
Но, не смутясь, убийца говорит:
"Родился я в Гавае возвышенной,
Отец же мой Эфар - амаликит".
- "Да истребится весь ваш род презренный!
Увы! Погибнул грозный царь Саул,
Рукою рабской, подлой умерщвленный!
Дух ада на тебя, злодей,дохнул:
Как ты подъять проклятую десницу
На божия избранника дерзнул?
Йоав! Каменьями побить убийцу!
Не будет кровь его вопить на нас:

Сам он осиротил свою вдовицу,
Сам чад своих лишил отца в тот час,
Когда изречь свирепое деянье
Его уста издали хульный глас!"
Весь углубленный в мертвое молчанье,
Один с своей великою душой,
Лелея безутешное страданье,
О падших три дня сетовал герой.
В четвертый мужи пред него предстали,
Посланники к нему земли родной.
Еще подавлен бременем печали,
Он им внимал в кругу своих друзей,
И старшины Иуды так вещали:
"Не мы ли кости от твоих костей?
Не мы ли плоть твоя? Давид, не ты ли
Хранил нас крепостью руки своей?
С тобою мы цветущи, крепки были,
Дрожал пред нами в бранях сопостат;
Мы без тебя лишились сил, уныли,
Пожрать нас без тебя враги спешат:
Ты данный нам от господи хранитель;
Приди, над братьями восцарствуй, брат!
Царю да будет град Хеврон в обитель;
Царя зовут Иуда и Фарес:
И вновь к нам обратится вседержитель,
И нас оставит ярый гнев небес;
Нам снова воссияют дни покоя,
Могущества, и славы, и чудес!"
Умолкли. Был туманен лик героя;
Как скорбный странник средь степей сухих,
Весь изнуренный лютым варом зноя,
Так он под гнетом тяжких дум своих
Изнемогал - и долго без ответа
С болезненной тоской взирал на них.
"Душа моя, - он молвил, - тьмой одета!
О боже! Мир исчезнул бы, когда б
Угас над ним твой взор, источник света:
А я что без тебя? - Я слеп и слаб
И кораблю подобен без кормила:
Тебя зовет, к тебе прибег твой раб!
От детства длань твоя меня хранила,
От детства мне светил твой дивный свет,
И мощь твоя бессильного крепила:
Моим молениям, боже, дай ответ!"-
И рек жрецу: "Провидец вдохновенный,
В Хеврон за ними вниду ль или нет?"
Тогда склонил колена муж священный,
И просиял его могущий лик,
Молился он, эфудом облеченный,-
И се к нему господень дух приник.
"Да внидешь!" - так воскликнул прорицатель.
"Да внидешь!" - повторил евреев крик.
"Тебе я покоряюсь, мой создатель! -

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Вещал, главу смиренную склоня,
Сынов Иуды новый обладатель. -
Но тяжкое взложил ты на меня".
И вот воздвигся, взял псалтирь златую
И рек друзьям, исполненный огня:
"Помянем падших в битву роковую.
Ужели предадим забвенью мы
Бойцов, погибших за страну родную?
Или вотще Гельвуйские холмы
Испили кровь моих владык святую?
Исторгну память их из бездны тьмы!"
К струнам склонился, глас подъял печальный,
И струны стон подъяли погребальный:

1

Столп возвысь над падшими сынами,
О Израиль! - свят бессмертный прах.
Как же так увяли под мечами
Мужи силы на твоих холмах?

2

Не беседуй в Гефе о сраженных;
Пусть не внемлет плачу Аскалон:
Да не дмится дщерь иноплеменных,
Да не будет в радость ей твой стон!

3

Вы, холмы Гельвуи, пусть отныне
Не кропит вас дождь, ниже роса!
Уподобьтесь вы сухой пустыне;
Пусть вас позабудут небеса!

4

Обратитесь в поле слез и глада:
Пусть вовеки не созреет клас,
Пусть вовеки кисти винограда
В блеске солнца не горят на вас!

5

Ах! на ваших высотах могильных
(Не елеем, кровию облит)
Щит Саула, мощь и слава сильных,
Сыном Хама вдребезги разбит.

6

Меч царя был страшен чадам брани,

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Пил врагов отчизны кровь и тук,
Собирал их души, вместо дани,
Лук Ионафана, грозный лук.

7

Царь Саул, Ионафан! прекрасны,
Благолепны были в жизни вы;
Восставали мощны и согласны:
Вместе положили ж и главы!

8

Были крепки вы, сыны Рахили,
Паче ярых чад полудня - львов;
Гордо вверх над тучами парили,
Легче вольных, радостных орлов!

9

Плачьте, плачьте, дочери Авраамли,
По Сауле, воеводе сил!
По Сауле сетовать не вам ли?
Вас он украшал, он вас хранил;

10

Разверзал вам щедрую десницу,
Облачал вас в злато и виссон;
Одевал в жемчуг и червленицу:
Воздвигайте по Сауле стон!

11

Столп возвысь над падшими сынами,
О Израиль! свят бессмертный прах.
Как же так увяли под мечами
Мужи силы на твоих холмах?

12

Все! - и ты, Ионафан! ужели?
Брат души моей, Ионафан!
Стрелы Хама мимо не летели:
[Не избег и ты смертельных ран!]

13

Слез душа моя, о брат мой, жаждет;
По тебе скорбит душа моя,
По тебе болезнует и страждет:
Одинок отныне в мире я.

Любит друга дева молодая,
Драгоценна юноше жена:
Но к тебе любовь моя святая
Паче их любви была сильна.

Столп возвысь над падшими сынами,
О Израиль! свят бессмертный прах;
Как же так увяли под мечами
Мужи силы на твоих холмах?

О власть святая вдохновенных песен,
Неодолимая! сколь ты сильна!
Наш скорбный, бедный мир как мал и тесен!
Но ты, отваги радостной полна,
Дохнешь, расширишь вдруг его пределы
И новый мир пробудишь ото сна;
Летишь и сеешь громовые стрелы
И растопляешь твердые сердца -
Сердца людей бесчувственны, дебели;
Но глас могущий вещего певца
В них жизнь волеет - и, будто воск, растают
Пред дивным пламенем его лица!..
...И пировал, князьями окруженный,
В Хевроне светлом царь вифлеемит:
Он мир торжествовал благословенный.
Но что? Какое облако мрачит
Его чело? Почто главу на руку
Склонил он и, задумчивый, молчит?

Какую ощутил тоску и муку,
Какое горе в сей блаженный час?
Вспомнил ли с любезным с кем разлуку,
Чей светоч жизни до поры погас? -
Средь гласов торжества того святого
Не слышится Ионафанов глас!
Далеко время торжества иного,
Когда, свой первый подвиг совершив,
Он близ него, счастливого, младого,
Его одной любовью был счастлив!
Давид главу подъял и вопрошает:
"Остался ль кто из внуков царских жив?"
И Сива, раб Саулов, отвечает,
Пред властелем повергшись в прах челом:
"С Махиром Лодеварским обитает
Младенец; но он немощен и хром;
Спасен рабыней сын Ионафана,
Когда враги сожгли Саулов дом!"
Что средь унылого, степного стана
В земле бесплодных и сухих песков

Была для странников-евреев манна,
То для Давида сладость оных слов;
К Махиру он послал нетерпеливый
Привет благой и множество даров:
Младенец приведен рукою Сивы.
"Твое все, чем родитель твой владел,
И все Сауловы стада и нивы,
И всех погибших братиев удел;
И от моей трапезы да вкушаешь!
И не страшись, но весел будь и смел!
А ты, слуга Саула, да питаешь
Потомка господина своего,
Да пестуешь его и сберегаешь!
Ты и весь дом твой - вы рабы его.
И вы, друзья, младенца возлюбите
За кровь мою, за сына моего,
Его вы вознесите и почитите", -
Так царь поведал, и младенца вид
Стал радостен: в Давидовой защите
Ни бед не знал страдалец, ни обид,
И чадо сирое потомка Киса
С детьми своими возрастил Давид.
И он послал и к старцам Иависа,
Которые, отринув низкий страх,
Под сенью схоронили кипариса
Ионафанов и Саулов прах,
И рек им: "Вас благословляю, други!
Вы мужи силы в мыслях и делах.
Вы верные и праведные слуги
Саулу, властелину своему;
Его почтили память и заслуги
И оказали милость вы ему:
И окажу и я вам все благое,
И вы любезны сердцу моему!"

Так царь Давид в блаженстве и покое
И в славе правил областью своей.
В то время провидение святое
Среди роскошных пастбищ и полей,
В тени наследственного вертограда
Беспечный в песнях возносил еврей.
И родились царю в Хевроне чада:
Над праведным царем господен щит;
Давид всего Израиля ограда;
Амон страшится, филистим дрожит,
Душа Эдома трепетом объята -
И царь уже себе врагов не зрит:
От берега моря до берегов Евфрата
И до Ливанских дерзновенных гор
Нигде уже не видит сопостата
Потомков Авраама смелый взор;
Ни Геф не вышлет рати, ни пустыня,
И умер и в отечестве раздор.

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Блажен Израиль, божия святыня, -
Но царь смирился благостной душой;
Ему чужда строптивая гордыня.
"Бог, - он гласит, - покров и пестун мой;
Он, всемогущий, он моя твердыня!"
И господу воспел псалом святой:

Господь мой Бог - мое спасенье;
Он вместо стен мне и забрал,
Мой спас, заступник и храпенье!
Меня противник лютый гнал:
Но к Богу я воздвиг моление, -
Он от врагов меня изъял;
Уж мне отверзся ров могильный,
Но в гроб мне не дал пасть всесильный!

Как шумных, бурных вод потоки,
Так беззакония текли;
Мне сеть расставил муж жестокий,
Злодеи: "Гибни!" - мне рекли;
Я был оставлен, одинокий,
Меня повсюду обошли;
Как жадные ловцы, печали,
Меня страдания обстали.

Взглянул - исчезнула дорога,
Клокочет бездна предо мной:
Тогда призвал я в скорби Бога,
Вознесся вопль стнящий мой;
Приник от своего чертога,
Подвигся робкою мольбой
Господь, мой пестун, мой спаситель,
На землю сходит вседержитель:

И возмутилася вдруг, и трепещет она,
И подвиглися гор основанья;
Вселенна боязни полна,
Полна ожиданья.
Господь и праведен и строг,
Прогневался на грешных Бог!
Восходит дым от яростного гнева,
Возжглися угли от его лица:
Пожрет, как ветвь сухого древа,
Кичливых пламень уст творца!
И небеса склонил неизбежимый,
Сошел, и под его ногами ночь и страх;
Он полетел: летит на ветровых крылах,
Его несут, как буря, херувимы.

Тьму сгустил себе в шатер,
Темноту избрал в обитель;
В тучах мчится вседержитель,
В блесках дивный хор простер.

От лучей и от блистанья
Тают мрак и облака,
В мраке звезды и сиянье
Сеет божия рука.
И возгремел господь с пылающей лазури,
Всевышний глас издал,
И стрелы, молний дождь послал,
Объяли грешных огненные бури,
Нечестия строптивых чад
Погнал, сожег палящий град.

Бледнеет ад: он свет увидел звездный,
Разоблачились те таинственные бездны,
Из них же льется ток морских, безмерных вод,
И тверди пошатнулся свод,
И основания вселенны,
Десницей Бога потрясенны,
Смущенны духом уст его,
Явились взору откровенны!

Хвалю и славлю Бога моего:
Могущий с высоты небесной
Ко мне склонился помощью чудесной;
Господь мой Бог, мой властелин
Изъял меня из яростных пучин.
Он от врагов меня неистовых избавил;
Я погибал, я звал, рыдая и стена,
Одолевали грозные меня,
На широту меня защитник мой поставил.

Бренный, я не заслужил,
Чадо праха и бессилья,
Благ щедрот твоих обилья,
Боже дивный, Боже Сил!
"С мужем правды прав пребудешь,
С мужем лжи меня забудешь"-
Так мне сам поведал ты.
Ты мне не дал пасть, святой!

Так! Богом я спасусь от преисподни
И стогны сокрушу, им укреплен,
Надежны, верны все пути господни,
И чист глагол господень, - и блажен,
Кто верит в мощь и слово пресвятого:
Господь наш Бог, и Бога нет иного.

Он научил мою десницу брани,
Он силою меня препоясал,
И ноги легкие, как ноги лани,
Он утвердил на вечной тверди скал.
Как медный лук, Давида мышцы стали,-
И се, дрожа, злодеи побежали.

библиотека на <http://www.christianart.ru>
Прославьте Бога, струны вы и песни,
Господь мне дал хребет врагов моих -
Я их погнал, - не утомлялись плесни
Доколе не настиг, карая, их,
Доколе гордых не было и следа
И не пожрала их моя победа!

Спаситель не внимал, когда зывали,
Вопили к Богу - и ответа нет!
Я свеял, стер их, как письмо с скрыжали,
Как память прошлых, позабытых лет.
Как прах пустыни, ветром разносимый,
Всех смял их под меня неотразимый!

Бессмертный возвеличил и прославил,
Он в мощь меня и радость облачил,
Языкам во главу меня поставил
И в князя и вождя еврейских сил.
И люди (их имен не знал я даже)
Прибегли к моему щиту и страже.

Владыки слову моему покорны,
Мне поклоняются племен отцы,
Крамольники познали срам позорный,
И оскудели в замыслах льстецы.
О боже! сколь твои дары велики;
Да вознесут тебя псалмы и лики!

Жив мой Господь, мой Бог, мой Избавитель,
Из рода в поздний род благословен:
Им сокрушен могущий мой гонитель,
Им алчущий души моей сражен;

В услышанье народов всей вселенной
Я воспою тебя, благословенный!

Креплюсь и процвету, тобой хранимый.
Неизреченным светом озаря
И благодатию непостижимой,
Ты из рабов избрал меня в царя,
И чад моих покров ты и спаситель:
Жив мой господь, мой Бог, мой избавитель!

ЭПИЛОГ

Так возносил Давид, восторженный душой,
Хвалебный, звучный глас, мой боже, пред тобоч!
А я - я ныне что? - Тобою укрепленный,
Благий! я совершил мой подвиг дерзновенный,
Он кончен; но еще недоумею я,
Но зыблется еще в сомненьях мысль моя;
Взгляну ли на мой труд, столь тягостный и смелый,

Сравню ли с ним моих бессильных дум пределы,
И скудость данных мне животворящих снов,
И бремя на меня наложенных оков, -
Тогда вещаю я в душе моей: "Ужели
Я, слабый, я достиг незримой, дальней цели?"
Так боязливый муж, преследуем врагом,
Чрез бездну прядает, отчаяньем влеком,
И стал, и весь дрожит, и бездну взором мерит,
И шепчет: "Здесь я, здесь!" - и все еще не верит.
Ыет, нет! мой господи, мой боже, боже Сил!
Единый ты меня, слепого, озарил,
Единый, дивный, ты мне был путеводитель:
Тебе единому хвала, о вседержитель!
И что я? сын грехов. Но с тайной высоты,
Всесильный, вечный Бог, ко мне склонился ты.
Не ты ли мне явил источник вдохновений
В священном свитке тех бессмертных песнопений,
Которые поет народов мира слух,
В которых изливал твой чудотворный дух
В стране Ираиля, в младенческие веки
Златые, полные глаголов жизни реки?
Душою к ним стремлюсь; так жаждущий олень,
Послыша говор вод в степи в палящий день,
Преклонит чуткий слух, вострепещет, вострепенется
И к холодному ручью, как буря, понесется.
Нет, пламень не земной горит в святых певцах;
Живет господень дух в могущих их струнах;
Не отцветет вовек сионских песней младость:
В них ужас и восторг, и сила в них и сладость.
Отверзет ли уста провидец зол, пророк, -
Всесокрушающий, дымящийся поток,
Он проповедует вселенной гнев владыки,
Смывает грешные с лица земли языки,
Клокочет и гремит ревущий водопад,
Восходит в небеса и раскрывает ад -
И ад исполнился и хохота и стона;
Тебя приветствуют, властитель Вавилона.
"Могущий, ты ль сошел в жилище темноты?
И ты, как мы, пленен, сравнился с нами ты!
Зловоние и смрад постелят под тобою,
Тебя покроет червь. Поведай, чьей рукою,
Денница светлая, ты сорван был с небес?
Поведай, как ты пал, как с тверди ты исчез?
"Подобен вышнему престол над тьмою звездной
Поставлю" - ты ль вещал? - и поглотился бездной!" -
Так страшному в царях со скрежетом рекли,
Подъемлясь из гробов, мучители земли.
Но что? глагол суда рыданья заменили:
От Рамы слышен вопль; то стон и плач Рахили;
"Нет, нет их! - вопиет. - Я всех их лишена!"
И не утешится над чадами она.
Сколь беспредельна скорбь твоя, Иеремия!
Кровавы слезы те священные, драгие,

Те слезы горькие, роса твоих очей,
Которые струишь по родине своей!
Господню ангелу подобен, стражу рая,
Сверкающий мечом над грешником Исаия, -
Но с кем тебя сравню? мед льют твои уста
И вместе смерть - и кто, как ты, рыдал когда?
А разве тот отец, тот праведник злосчастный,
Который под топор закона беспристрастный,
Сам умирающий, растерзан, но суров,
Обоих осудил души своей сынов.
На вещий глас сердца снедающей печали
Страданья и мои проснулись и восстали:
Меня господь мой Бог во гневе помянул,
Каратель на меня иссыпал весь свой тул,
Тул ярости своей, стрел смертоносных полный.
О грозный! надо мной прошли твои все волны, -
И руку, господи, благословлю твою:
Испив вино греха, из чаши скорби пью.
Но ты ли примирен? Каким вещаньям внемлю?
И кто чудесный сей? почто сошел на землю?
Так, узнаю! - Давид с превыспренних светил
В волнуемую грудь мне мир и веру влил.
Когда он возгремит, его золотые струны
Сжигают, как огонь, сверкают, как перуны.
Но слаще меда мне в унылый, темный час
Смиранный, тихий вздох, души Давида глас.
Все, все он испытал: паденье, покаянье,
Разлуку и любовь, и радость и страданье,
Наказан господом и вновь утешен им,
Он пел, и ликовал, и плакал пред благим.
К его глаголам я язык мой приучаю, -
"Почто прискорбна ты? - и я, как он, вещаю, -
И почему меня мутишь, душа моя?
На Бога уповай: его прославлю я.
Неизреченный! ты мой щит, мое спасенье,
О боже! сколь твое возлюблено селенье!
В селении твоём в день зол меня покрыл
Не ты ли сению твоих незримых крыл?"

1826-1829